

ВЛАДИМИР ЧЕРЕВАНСКИЙ

**ЛЮБОВЬ ПОД
БОЕВЫМ ОГНЕМ**

Владимир Череванский
Любовь под боевым огнем

«Public Domain»

1896

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Череванский В. П.

Любовь под боевым огнем / В. П. Череванский — «Public Domain», 1896

ISBN 978-5-501-00208-1

Череванский Владимир Павлович (1836–1914) – государственный деятель и писатель. Сделал блестящую карьеру, вершиной которой было назначение членом госсовета по департаменту государственной экономии. Литературную деятельность начал в 1858 г. с рассказов и очерков, напечатанных во многих столичных журналах. Впоследствии написал немало романов и повестей, в которых зарекомендовал себя хорошим рассказчиком. Также публиковал много передовых статей по экономическим и другим вопросам и ряд фельетонов под псевдонимами «В. Ч.» и «Эчь». В 1890-х гг. издал несколько драматических произведений, а также исторические хроники времен русско-японской войны. Герой романа «Любовь под боевым огнем», Борис Можайский, отправляется в Туркестан налаживать снабжение армии генерала Скобелева, ведущей боевые действия в Ахал-Текинском оазисе. На пароходе он встречается с Ириной, направляющейся в Туркестан к мужу-англичанину. Борис покорен красотой и душевной силой девушки. Но судьба разводит их по лагерям противников, и кажется, что навсегда... Героическая осада русскими воинами крепости Геок-Тепе оборачивается для героев романа борьбой за свое счастье. Если любовь настоящая, то она расцветает даже под боевым огнем.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00208-1

© Череванский В. П., 1896

© Public Domain, 1896

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	62

В. П. Череванский
Любовь под боевым огнем

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», 2012

© ООО «РИЦ Литература», 2012

* * *

Часть первая

Хотя собирательный разум человечества работает непрерывно над смягчением нравов всемирной общины, но – увы! – и он отступает пока перед сложностью вопроса о замене стального клинка веткой оливы.

Заметка неизвестного после штурма 12 января 1881 г.

Нанесенные мне поражения не изображай выигранными мною победами.

Наставление Наср-эд-Дин-шаха придворному историку

Язык мой – трость скорописца.

Исай. II

I

В 188* году разлив Волги был необычайный. Благодаря избыткам своих данниц – Оки, Суры, Камы, Ветлуги и их младших сестер она покрыла всю луговую сторону неоглядным морем. В этой нахлынувшей хляби скрылись сотни островов. Об их существовании свидетельствовали одни лишь вершины деревьев, клонившихся по направлению волны и ветра. Но и стихийный натиск не умалил величавости горного берега. Зольные горы, а южнее их Ундаровские, Городищенские и Печорские гордо отталкивали волну у своих подножий и заставляли ее рассыпаться в туче брызг и пылинок.

Миная Девичий Курган и Двух Братьев в Жигулях, Волга направляется мимо возвышенного плато, на котором белеют зубчатые стены обители Святой Варвары. Все Поволжье чтит эту обитель. Она издревле отличается строгим обиходом. Подвижничество ее инокинь составляет своего рода гордость православных мирян перед окрестными черемисами и другими потомками Золотой Орды.

Основание обители теряется в глубокой древности. Перед строгими ликами дониконовского письма склонялись в обители все, кто чем-нибудь известен в истории Поволжья. Здесь и нижегородские князья почтительно снимали свои шеломы, и новгородские ушкуйники отмаливали молодецкие потехи. Здесь и Ермак, и Кольцо, будучи еще воровскими людишками, благословлялись на сибирский промысел. Под ее стенами проходили струги и Стеньки, и Булавина, и пугачевщина, но и толпы необузданной вольницы шли далее – «без разбоя и со крестами на святые маковки».

Задолго до приближения к монастырю на галерее бежавшего с верховья «Колорадо» показались два пассажира, совершавшие, по-видимому, не первую прогулку по Волге. Им были известны и Караульный Бугор, и Молодецкий Камень, и Моркваши. Обмениваясь по временам замечаниями насчет безлюдья этой части реки, они зорко всматривались вдаль и немножко сиделись на медленный бег парохода.

Старший из них, Борис Сергеевич Можайский, представлялся интеллигентом средних лет с теми самоуверенными приемами, которые свидетельствуют об устойчивости ясно и строго определившихся взглядов на базар житейской суеты. В постановке его головы, приближавшейся к львиному типу, и в огоньках зрачков, вскидывавшихся несколько повелительно, проявлялась внушительная сила. При этом вся его фигура дышала естественностью без малей-

шей подрисовки. Натуры такого типа крепко хранят свой обычный девиз «никому обиды и ни от кого обиды».

Спутником его был Яков Лаврентьевич Узелков, племянник его по сестре, симпатичный юноша, только что выпущенный в свет с чином поручика, а следовательно, и с надеждой на фельдмаршальский жезл. Отлагая к будущему погоню за жезлом, ради которого нужно многое совершить, Узелков отдался мирному созерцанию развернувшейся перед ним картины. Она была величественна до того, что, поравнявшись со стенами монастыря, восторженный поручик приветствовал его арией Вани – «Монастырь крепко спит... Отворите!».

Но и звуки любимой арии не вывели Можайского из тяжелой задумчивости. Он не отводил бинокля от стен обители.

– Судя по этим березам, которые так приветливо кланяются нам из-под воды, мы плывем над Заячьим островом, – сообщил Узелков, пытаясь вывести дядю из тяготившей его думы. – Теперь недалеко и Княжой Стол.

Дядя отмолчался.

– А вот и Княжой Стол, и Гурьевка.

– Княжой Стол от нас не уйдет, а ты не суетись, как кадет на свободе. Пора бы тебе...

– Дядя, позволь свистнуть.

– И свистеть не нужно, успокойся. Антип и без свистка выедет навстречу. Да вот и «Подружка» видна.

Княжим Столом называлась скала, выдвинувшаяся с берега в реку в форме усеченного конуса. На ее площади красовался старинный барский дом, переходивший со времен Грозного из рода в род князей Гурьевых. По ребру горы извивается высеченная лесенка, приводящая к террасе, обрамленной живой изгородью. У подошвы скалы качалась в ту пору маленькая усадебная пристань.

Едва пароход умерил ход, как у его трапа очутилась лодка, причаленная рукой опытного волгаря. Правда, он походил скорее на обеденный ракиновый куст, но по его сноровке никто не отказал бы ему в звании присяжного лощмана.

– Бесчувственный, все ли здоровы? – выкрикнул Узелков, перегибаясь за борт парохода.

Антип, с которым срослось прозвище Бесчувственного, молча и бережно принял пассажиров и их багаж.

– Как здоровье княжны Ирины? – продолжал допытывать Узелков.

– По порядку следовало бы спросить прежде о здоровье князя Артамона Никитича, а потом уже о княжнах, – наставительно заметил Антип, торопясь отвалить от парохода. – Князь Артамон Никитич изволит здравствовать, княжны также в своем здоровье.

– Ждали нас? – спросил Можайский.

– С вечера заказано стеречь «Колораду» и беспременно принять вашу милость, Борис Сергеевич, и кадетишку также...

– Антип, не забываться! – скомандовал бывший кадетишка.

– Мне зачем забываться? Мне забываться не надо.

– Куда девался Заячий остров?

– Поживите, проявится.

– А выводки есть?

– Да куда же им запропасться?

Ворчливое настроение не мешало Бесчувственному любовно вглядываться в свежие погоны Узелкова, с которым он исхаживал по летам все окрестные трясины и болотины в поисках куликов. Юноша первоначально понравился ему исключительно за крепкие зубы, которыми он дробил превосходно деревенские сухари, а потом полюбился и за многое другое, а главное за свое круглое сиротство.

Гурьевку знают не одни природные волгари, но и те чуткие натуры, которым незначительный край утеса, эффектно позолоченный заходящим солнцем, дороже беляны, нагруженной лубьем и ободьем. Эти странные люди, богатые по преимуществу надеждами на славу, всегда находили радушный прием и услугу на площадке усадьбы, откуда открывался грандиозный вид на громадную площадь Поволжья.

Над рекой виднелся только барский дом, усадьба же скрывалась за пролеском. Дом отличался европейским комфортом, но не мраморы и позолоты, которыми обзаводятся богатые волгари, были его украшением. Хорошо подобранная библиотека и башенка с единственной, кажется, в России частной обсерваторией составляли гордость старой Гурьевки.

Владелец Княжого Стола и Гурьевки принадлежал к сектантам – не по вероучению, разумеется, а по обиходу жизни, по складу ума и по движению сердца. Получив в наследство запутанные дела, он не побывал ни в одной приемной с просьбой о сбавке опекунского процента. Одно время он стоял довольно близко и к водяным и к железным сообщениям и все-таки не провел дорожку за казенный счет в свое имение. При всех достоинствах стилиста из-под его пера не вышло ни одного трактата о необходимости трехэтажного наблюдения за душами и сердцами сограждан. Вообще семья чистых людей считала его сосудом своего багажа и уклада...

По наружности князь Артамон Никитич, отличаясь широкою костью и общим дородством, выглядел солидным кряжем. Его умные глаза, казалось, постоянно искали человека, чтобы подарить ему нечто приятное.

– Милые, славные, хорошие! – восклицал он, обнимая своих дорогих гостей. – Вот как ты шагнул, прямо в поручики! – обратился он к Узелкову, любуясь им как родным сыном. – Только зачем же ты приподнимаешь плечи так высоко... опусти пониже... пониже, вот теперь и естественно, и красиво. Отдохните, господа, с дороги, а потом и к завтраку... Сила Саввич, проводи гостей во флигель.

Сила Саввич – заслуженный дворецкий, державший в доме князя все распорядки, – принял Можайского и Узелкова без свойственного ему покровительственного вида. Напротив, заявив намерение служить, а не награждать, он лично водворил их в приготовленные комнаты.

– Завтрак в двенадцать! – Единственно этим напоминанием он проявил свою власть.

Перед завтраком Можайский и Узелков сошлись на балконе с видом на обитель Святой Варвары.

– Дядя Боря, почему князь проживает безвыездно в этой глуши? – спросил Узелков с некоторой таинственной осмотрительностью. – Правда ли, что ему воспрещен въезд в столицу?

– Неправда, – ответил коротко Можайский.

– Однако же факт налицо: он и лето и зиму коротает на этом утесе, между тем его настоящее место и в комитетах, и в советах, и всюду, где нужен государственный деятель.

– А это глядя по человеку. Князь Артамон Никитич обладает глубоким философским образованием и широким мировоззрением. Такого человека скука не осилит. Оставив военную службу, он провел много лет в Оксфорде и теперь мирно беседует с временами и народами...

– Да разве не удобнее заниматься разработкой исторических материалов в столице, где так доступны ученые пособия? Нет, дядя, согласись, что в его жизни есть много непонятного. Почему, например, его жена, красавица, каких немного, ушла в монастырь?

– Должно быть, ей надоела болтовня молодых поручиков.

– Это ты про меня?

– Да.

– Молчу, молчу!

Молчание длилось, однако, недолго.

– Если бы строгий дядя был снисходительнее к легкомысленному поручику, то поручик мог бы сообщить ему многое, – заявил Узелков, тяготившийся, по-видимому, известной ему тайной.

– Я слушаю, милый.

– Мать Аполлиария больна. Князь ездил к ней в монастырь, но она его не приняла.

– А княжны?

– Они оттуда не выходят.

Представший на балконе Сила Саввич прервал беседу друзей приглашением пожаловать в столовую. Столовая в гурьевском доме выходила окнами на реку.

– У вас глаза помоложе, – обратился князь к вошедшему Узелкову. – Взгляните, не видна ли лодка из монастыря?

– Нет, ваше сиятельство, не видна,

– Оставь здесь мой титул в покое. Пусть я буду для тебя Артамоном Никитичем, а ты... а ты, как сын моего друга и хороший притом юноша, будешь в том чине, в какой я произведу тебя, хотя бы и не выше фендрика. Так лодки не видно?

– Не видно, – подтвердил Можайский. – А вы кого ожидаете?

– Должны бы возвратиться дочери из монастыря, да мать их не успела еще оправиться от недавней тяжелой болезни.

– Господин Голидеев также не будут завтракать, – доложил Сила Саввич, снимая лишние приборы. – Они на рыбной ловле.

– У меня гостит весьма образованный англичанин, мистер Холлидей, – объяснил князь. – Это человек с обширными историческими сведениями. Мы разбираемся с ним в запутанных политических отношениях России к Англии во времена Грозного.

Завтрак проходил оживленно, но, хотя нить беседы и не прерывалась, легко было подметить душевную тревогу хозяина. Мимолетные взгляды его по направлению к монастырю повторялись упорно и часто и – увы! – тщетно, так как ни один парус не белел между усадьбой и обителью.

II

Князь провел этот день в напрасном ожидании: дочери не давали ему никакой весточки. Волнение свое он выдал одному Можайскому, которому, расставаясь на ночь, бросил загадочную фразу:

– Боюсь, чтобы и Марфа не увлеклась скорбью о грехах вселенной.

На следующее утро Узелков и Можайский опять сошлись на том же балконе. Первый, видимо, был насыщен новостью, не дававшей ему покоя.

– Дядя, – выпалил он без всякого вступления, – не женись на княжне Марфе!

Можайский вскинул на него вопросительный взгляд.

– Сердись, сколько хочешь, а я буду твердить одно: Марфа тебе не пара.

– Скорее роль ментора тебе не к лицу!

– Разумеется, не к лицу. Я легкомысленный поручик – и только, а все-таки Марфа тебе не пара. Брани меня, но выслушай. Вот что я совершил по своему легкомыслию. У Антипа есть вскормленник, знающий по садовой части. Вчера после обеда, когда вы занимались с князем умными делами, я отправился к Антипу на пристань и увидел, что знающий по садовой части вскормленник собирается в монастырь охорашивать какую-то захудалую аллею. Здесь у меня явилась преступная мысль – попасть в обитель в роли садовника. Бесчувственный восстал, но когда я переоделся, повязал фартук и надел сумку с инструментами, он не возражал... Привратница чистосердечно приняла меня за парня, знающего по садовой части, и пропустила за ограду обители. Там я принялся скоблить и пилить – и пилил я и скоблил вплоть до той поры, когда из кельи не показались строгие фигуры подвижниц, степенно шествовавших к вечерней службе. Окна в храме были отворены, и я отлично видел правый клирос. Твоя Марфа – она была вся в черном и в бархатном клубочке – показалась мне неземной. Право, я ожидал, что

бесплотные силы выступят из иконостаса и поднимут ее на свои белые крылья. Какая же она девушка, когда она эфирное песнопение и непременно обратится в ангела, но в жены – никогда. Она вдохновенная! Пойми, дядя, всю нелепость посадить ее в гостиной рядом с княгиней Марьей Алексеевной! Залюбовавшись ею, я подпилил вместо сухого сучка свой указательный палец, да так, что кровь брызнула фонтаном. На мою беду, мимо проходила сострадательная черничка и завопила: «Иди, родимый, в больницу, иди скорее... там помогут!» – «Покорно благодарю, – думаю себе, – там я встречу княжну Ирину, и она увидит вместо парня, знающего по садовой части, поручика Узелкова». Перевязав наскоро палец, я предстал перед Антипом с повинной. Послушай, дядя, не досталась же Тамара своему жениху, так и с тобой будет. Тамару демон отбил, а у тебя бесплотные силы отнимут Марфу. Увидишь!

Узелков чувствовал себя в роли вдохновенного прорицателя и нисколько не заботился о том, что его предвещения повергали дядю в тяжелую скорбь.

Прошли еще сутки, в течение которых «Подружка» не раз обернулась между усадьбой и монастырем, что не скрылось от Узелкова и не миновало допроса.

– Ты зачем бегал в монастырь?

– Окуньков ловить, – отвечал Антип, не расположенный на этот раз к откровенности. – Там окуньки очень жирны.

– Нет, ты возил в монастырь записку от князя.

– А хотя бы так?

В это время прозвонил колокол к завтраку, и Узелков, обзвав своего друга ракиновым объедком, на что тот всегда сердился, направился к лестнице.

– Старшая, пожалуй, что и не будет, – сообщал ему как бы вдогонку Антип, продолжая изготавливать «Подружку» к новому рейсу. – Не будет, говорю, старшая. В больнице есть трудные, а от трудных ее не оторвешь. Младшую, надо так думать, что отпустят к родителю, потому что мать сама по себе, а родитель сам по себе.

В столовой было новое лицо – мистер Холлидей. После обычной рекомендации князь сообщил за завтраком, не обращая ни к кому в частности, что Ирина занята тяжелобольною.

– А Марфа... – Здесь голос князя дрогнул. – А Марфа говеет перед исповедью, – окончил он с некоторым усилием.

– Теперь не пост, – заметил мистер Холлидей, – ваша же религия допускает исповедь только во время постов.

– В монастырях жизнь идет иначе, нежели в общем обиходе, и к тому же исповедь допускается у нас и в обыкновенное время, – возразил князь, стараясь переменить разговор. – Хороший мой фендрик, что ты смотришь так мрачно? – обратился он к Узелкову. – Отнесись внимательнее к этой стерляди.

– Но княжна Марфа могла бы никогда не говеть, – продолжал упорный британец. – Ее душевные свойства вполне напоминают высокую красоту евангельских женщин.

– Русские так глубоко преклоняются перед догматами своей религии, – выступил с неожиданной репликой Узелков, – что не задаются и вопросами, кому и когда следует говеть.

В его тоне слышалась задорная нотка, обратившая общее внимание и прежде всего мистера Холлидея. Нотка эта, видимо, пришлась по сердцу и старому князю. Точно в награду за нее он приказал подать шампанского и провозгласил тост в честь будущих генеральских эполет своего молодого друга.

– Этот Холлидей первый серьезный враг в моей жизни, – признался потом Узелков дяде. – Меня ужасно подмывает вызвать его на дуэль.

– На дуэль? Пощади, за что и чем он тебя обидел в такое короткое время? – спросил Можайский.

– Он обижает меня всем своим существом. Меня обижает его стройная фигура, его умный взгляд, его общая порядочность, его бакенбарды, его противный рыжий цвет и даже его

изящная визитка. Скажу более – меня оскорбляет расовая надменность бритта, соединенная с алчностью в политике, с кознями и кривдами, чтобы только прикрыть уязвимую пятку Британии на Гиндукуше.

– Но какое тебе дело до алчной политики надменного бритта... и до его пятки?

– Не забывай, дядя, что я человек военный, и если мне сегодня нет дела до Индии и Гиндукуша, то оно будет завтра или послезавтра. Во всяком случае, не мешай мне притянуть Холлидея к барьеру.

– Сделай одолжение, ты теперь достаточно самостоятелен.

– Вот и спасибо... А теперь я тебе скажу, куда так величественно снаряжается мой друг Антип Бесчувственный. Взгляни, ему мало флага на мачте «Подружки», он покрыл и банкетку красным сукном, а главное – надел картуз с ополченским крестом. Парад этот знаменует то, что ты увидишь свою серафиму Марфу, а я, может быть, Ирину, в которую я... признаться, дядя, что ли? Ну, изволь, признаюсь... в которую я очень влюблен.

– Ты влюблен в княжну Ирину?

– А что же, по-твоему, дядя, поручик не смеет любить, кого он хочет? Чувства мои давно ей известны. Каждый раз, когда она привозила в корпус пирожки, я говорил ей: «Вот и эту неделю я буду смешивать Карла Мартелла с Фридрихом Барбароссой и лангобардов с нибелунгами». Ты думаешь, это непонятно?

– Но она старше тебя.

– Всего двумя-тремя годами. Когда она оканчивала медицинские курсы, я был уже в последнем классе...

Поручик не успел окончить свое признание, как «Подружка» накренила парус и с лихостью смелой волжанки запрядала по волнам. По-видимому, никто из гурьевского общества не желал следить за ней. По крайней мере мистер Холлидей уткнулся в «Таймс», а поручик – в фолиант, трактовавший об отчичах и дедичах, населявших Поволжье во времена сарматов. Даже князь занялся родословной седьмой жены Иоанна Грозного.

– Помните, я просил вас справиться в сказании Курбского «О делех, аще слышахом у достоверных мужей и аще видехом очими своими» насчет происхождения седьмой жены Иоанна Грозного?

– Поднимал я на ноги своих питерских книгоедов, – отвечал Можайский, – но и они не ведают, из какой семьи произросла седьмая любовь грозного царя.

– Между тем этот вопрос легко разрешим, – вмешался в разговор мистер Холлидей. – В библиотеке здешнего монастыря есть рукописный подлинник Грозного, в котором перечислены все его большие и малые жены...

Недостаточно владея русскою речью, англичанин, очевидно, ошибался в передаче своей мысли.

– Какие большие и малые жены? Что за чепуха! – вскинулся Узелков, отрываясь от былин об «отчичах и дедичах». – Да и почему вы это знаете?

Мистер Холлидей сдвинул брови и ничего не ответил, а довольный собой поручик перескочил от дедичей к отчичам, не интересуясь одинаково ни теми ни другими. Втайне же все общество интересовалось лодкой Антипа.

– Наконец-то! – вырвалось у князя отрадное восклицание. – Мои обе дочурки садятся в лодку, Ирина на руле. Она, по обыкновению, серьезна и сдержанна и отлично напоминает своего деда, который во время сражения при Наварине метал в неприятеля руками зажженные гранаты...

О Марфе он не проронил ни слова.

На Волге было спокойно, но лодка находилась в надежных руках. Антип держал паруса на отличку.

Гурьевка просветлела. Задолго еще до прихода лодки Узелков сбежал вниз к пристани принять, по его словам, причалы. За ним последовало и все общество. К сожалению, он испортил картину тем, что, принимая причал, заторопился, поскользнулся и ткнул Антипа багром в бок.

Первой вышла на пристань княжна Марфа. Направившись к отцу, она поклонилась ему молча, по-монашески, чуть не земно...

Княжна Ирина выпрыгнула из лодки без посторонней помощи. Стройная, изящная и сильная девушка рассчитывала только на собственные силы. Отца она обняла с чувством крепкой любви.

– Марфа, – обратился к дочери князь Артамон Никитич, – не забывай, что Борис Сергеевич имеет право на поцелуй... по меньшей мере... твоей руки...

Княжна Марфа медленно и тоже с полууставным поклоном протянула руку Можайскому, но его поцелуй вызвал у нее скорее чувство испуга, нежели сердечного удовлетворения.

– Пожалуйте к завтраку, – заторопил князь все общество. – По нашей лестнице нужно идти попарно. Антигона, веди отца, Марфа-печальница, подай руку Борису Сергеевичу.

Группа оживилась. Впереди всех поднимались Можайский и Марфа. Она была одета во всем черном и походила на смиреннейшую из послушниц. В этом костюме она вышла и к завтраку.

– Однако ты сделалась кокеткой! – заметил князь. – Тебе необыкновенно идет эта черная ряска.

– Неужели, отец, ты серьезно думаешь, что я могу кокетничать? – тревожно спросила княжна. – Мне нравятся простота и строгий характер этого костюма...

– В котором ты выглядишь прелестнейшей из Миньон, плачущих по небесам.

– Я не переделалась потому, что мать-настоятельница приказала мне возвратиться сегодня же к началу вечерней службы.

– Мать-настоятельница, то есть твоя родная мать... бывшая княгиня Гурьева... снизойдет, надеюсь, на нашу общую просьбу и оставит тебя в многогрешной Гурьевке.

Княжна пыталась протестовать, но отец, в обычной жизни мягкий и уступчивый, был на этот раз непреклонен.

За завтраком разговор перешел на успехи широко развивавшихся в ту пору медицинских курсов. Разумеется, общим вниманием овладела княжна Ирина. Узелков слушал ее как вещего ангела.

– Стремление русской женщины к высшему самообразованию привлекает к России симпатии всей Западной Европы наравне с освобождением рабов, – произнес мистер Холлидей в привычной ему форме ораторского спича. – Рецепт из рук женщины – это половина выздоровления, и, право, стоит заболеть, чтобы получить рецепт из рук русской княжны Ирины Гурьевой.

Этот хорошенький спич был встречен общим одобрением. Княжна Ирина поблагодарила также мистера Холлидея молчаливым взглядом, в котором Узелков подметил нечто более теплое, нежели выражение салонной вежливости. Бокал его остался недопитым.

– После завтрака нам подадут лошадей и мы отправимся всей компанией... куда бы вы, господа, думали? – спросил князь. – В степь, к Половецкой засеке! Историческое общество поручило мне произвести основательную раскопку этого загадочного могильника, и ничто нам не мешает приняться сегодня же за дело. Там все готово. Рабочие в сборе, и я надеюсь, что у нас выйдет приятный пикник.

Против дальнейшего предложения князя отправиться сейчас же верхом или в шарабане одна княжна Марфа нашла возражение.

– Отец, ты разрешишь мне возвратиться домой, – сказала она с решимостью, очевидно, не свойственной ее скромной и нежной натуре.

– Но, мой друг, ты и теперь дома!

– Я говорю, отец, об обители Святой Варвары. По нашему уставу все крылошанки...

– Пока над тобою есть один только устав – это мой.

Княжна благоговела перед отцом, и привести его в гневное состояние было для нее несчастьем. Некоторое время Можайский оставался немым свидетелем этой сцены.

– Позвольте, Артамон Никитич, княжне возвратиться, куда влекут желания ее души и сердца, – выступил он в роли ходатая. – Было бы заблуждением и эгоизмом посягать на ее добрую волю.

– Но взгляните, как бушует Волга! Могу ли я отпустить ее в такую бурю?

– Отец, ты всегда доверял нашему Антипу.

– На этот раз не иначе как под охраной Бориса Сергеевича.

– Не нужно, не нужно! – всполошилась княжна.

– В таком случае ты останешься дома. Сила Саввич, вели подавать лошадей!

– Марфа Артамоновна, за всю дорогу я ни одним словом не нарушу вашу душевную тишину, – заявил Можайский.

– Очень нужно давать этой глупой девчонке подобные нелепые обещания. Соглашайся или ты поедешь с нами!

Княжна согласилась.

Антип попытался было возразить против поездки в разыгравшуюся непогоду, но уступил настояниям Можайского – большого знатока в управлении рулем и веслами. Парус убрали.

В четыре весла лодка пошла ходко и только по временам вздрагивала от ударов неправильной волны.

Остальное гурьевское общество отправилось к Половецкой засеке. Княжна Ирина и мистер Холлидей – верхом, причем они вскоре понеслись крупным галопом. Князь правил шарабаном. Всегда уравновешенный и спокойный, он на этот раз волновался, нервничал и даже оскорблял свою любимую лошадь взмахами бича.

III

Под названием Половецкой засеки слыл в Поволжье курган, насыпанный в незапамятные времена многими тысячами человеческих рук. Возвышаясь на равнине, он был виден на десятки верст в округности. Ученые гробокопатели оципывали его со всех сторон и добытыми из него коробами всякой ржавчины наполняли целые музеи. В монографиях о нем не было недостатка, но все они оканчивались добросовестным приглашением «относиться к сказанному осторожно». Окрестное население, также тиранившее курган в надежде добыть из него что-нибудь поценнее ученой ржавчины, наткнулось на одни костяки. Наконец ученый мир Петербурга решил окончить смуту о Половецкой засеке и скрыть ее до подошвы, о чем и просил князя Гурьева. Заслуженное имя последнего в ученом гробокопательстве ручалось за успех дела.

На вершине засеки красовался теперь шатер, вокруг которого было людно и картинно до того, что Узелков пустил тотчас же по приезде в ход все свои познание в фотографии.

После краткой вступительной речи князь вручил заступ Ирине, и она первая приступила к вскрытию вековой тайны.

Мистер Холлидей поинтересовался узнать мнение князя о происхождении Половецкой засеки.

– Мы стоим теперь на пути, по которому шли в Европу азиатские полчища, – объяснял Артамон Никитич. – Новгородский летописец говорит, что «шли языци незнаемы, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изыдоша и которого племени, а зовут я татары, а инии глаголют таурмени, а друзие печенези...». Те ли шли или другие орды, но здесь каждый шаг

безграничной степи покрыт костями наших предков. Кости эти предохранили Европу от участи обратиться в монгольское стойбище. Здесь шли печенеги, а за ними половцы. Две орды не помирились в дележе чужой земли и вот на этой равнине между ними произошла кровавая встреча. Печенеги потерпели поражение. Впоследствии, впрочем, монголы разгромили и половцев, и только небольшая часть их, спасшись от погрома, нашла приют в Венгрии, за Карпатами, и я убежден, что мадьяр Арминий Уомбери, обзывающий Россию татарщиной, принадлежит к потомкам Половецкой орды.

– Да, сэр, вы правы. Своей грудью вы защитили часть Европы, но не Британию! Азиатским ордам она была и тогда недоступна.

– Монголы отлично слопали бы и вашу Британию, – заявил Узелков, входя в шатер и вытирая пот, катившийся с него ручьем. – Поили же они своих коней в Адриатическом море!

– Что значит слопать? – переспросил мистер Холлидей. – Мне это слово неизвестно.

– Слопать – значит проглотить. Par exemple: Британия слопала Индию. Выражение довольно вульгарное, но оно мне нравится.

– А вы, поручик, тоже стремитесь в Индию... как и все ваши товарищи по оружию, да?

– О, я не скрываю, что побывать на берегах священного Ганга – это моя мечта.

Но прежде чем Узелкову побывать у священного Ганга, его вызвали к раскопкам, где наткнулись на какую-то интересную вещицу, оказавшуюся по осмотру князя редким экземпляром рыцарского забрала с арабскими воинственными надписями. Пока странная форма этого доспеха поглощала внимание всего общества, мистер Холлидей успел обменяться с княжной теплее чем дружеским взглядом.

Можайский подъехал к кургану только поздно вечером, когда любознательная публика обратилась уже восвояси.

– На полдороге благодаря налетевшему шквалу мы едва выгребли, – ответил он на вопрос князя, интересовавшегося причиной его позднего приезда. – При этом, несмотря на явную опасность, княжна проявила удивительное присутствие духа.

– Это приниженность перед безобразием стихии, а вовсе не присутствие духа, – заметил князь. – Вообще, Борис Сергеевич, я недоволен Марфой.

– А ты, дядя Боря, не обедал? – вмешался Узелков. – Пища, как говорит мой денщик, имеется для тебя в полном достатке.

Начинало темнеть. Артель рабочих, выделив из себя караульных, отправилась с песнями в деревню. Шарабан и верховые лошади были наготове.

– А я, дядя, останусь здесь в качестве охранителя половецких сокровищ, – заявил Узелков. – Притом же в такую благодатную ночь приятно побывать наедине со своими грезами, с душой, открытой только небу и звездам. Слышишь ли, каким языком говорят иногда поручики?

– Где же твоя штаб-квартира?

– На верхушке кургана, в шатре. По долгу службы я не боюсь нечистой силы, поэтому половецкие заклинания мне не страшны.

– Возьми меня к себе в товарищи. Ночь в степи над потревоженной усыпальницей... Это так оригинально!

– Милый, радость моя и восхищение! – восторжился поручик. – Верховой, скачи в усадьбу и доставь сюда подушки, одеяла... и ящик с сигарами...

Ночь была заманчиво-прекрасна, поэтому желание Можайского остаться в степи никого не удивило. Вскоре общество разделилось: мистер Холлидей и княжна Ирина ускакали вперед и скрылись по направлению к усадьбе во мгле степных сумерек.

В караул для охраны начатых раскопок от хищничества напросились охотники по кладоискательству старики. В числе их нашлись и такие, что могли на глаз отличить подлинную «кладовую запись» от мошеннической, сфабрикованной городским пропойцей. Нашлись и кумовья,

и сваты тех решительных храбрецов, которые сами лично вступали в борьбу с нечистью, охраняющей входы в подземелья, засыпанные ордынским золотом. Распоясавшись после ужина, старики завели круговую беседу, но прежде пощупали на всякий случай, в сохранности ли за пазухами тельные кресты.

Узелков и Можайский, сидя у шатра на вершине кургана, нисколько не заботились о половецких духах. Ночь в степи приглашала их к самоуглублению и даже к беседе с горным миром, оттуда с беспредельных высот разливался магический свет, и такой ласковый, отрадный, что человеку нельзя было не подняться на ступеньку выше обычных радостей и печалей. Узелков нарушил это сумерничанье.

– Дядя, поделись со мной своим горем, – приступил он безжалостно к Борису Сергеевичу. – Со времени приезда в Гурьевку ты неузнаваем, а сегодня ты на себя не похож, ты убит!

– Да, сегодня разрушились все мои надежды, – решился Можайский на признание. – Марфа мне отказала!..

Последовало томительное молчание.

– Я не хотел огорчать Артамона Никитича подробностями...

Томительное молчание повторилось.

– На реке мы с трудом выгребали против волнения. Антип поминутно – и кашлем, и взглядом, и толчками – давал мне понять, что мы затеяли опасное дело. Свои предостережения он дополнил наконец вопросом: «Не броситься ли на луговую сторону?» Но опасность меня не смущала, напротив, убедившись, что Марфа ни разу не взглянула на меня, я просил у Бога грозной волны, и только для того, чтобы Марфа вспомнила о моем присутствии, хотя бы перед страхом смерти. Грозная волна наконец взгромоздилась и бросилась на нас с губительной силой, но увы! Лицо Марфы осталось по-прежнему бестрепетным. «Не выгребем!» – заявил наконец Антип. Я очнулся. Действительно, мы шли на непреодолимую опасность. Впрочем, спасение было еще в нашей власти – следовало податься вправо, перерезать два-три гребня и выброситься на отмель.

На минуту Можайский примолк.

– Хороший старик этот Антип Бесчувственный. Нам не приходилось сговариваться, через пять минут мы были у берега. Антип оставил нас вдвоем, а сам побежал выкрикнуть монастырскую лодку. Княжна не проронила ни одного слова. Она выглядела фаталисткой и совершенно забыла о моем существовании. «Чем я ненавистен вам? – спросил я наконец с довольно грубою решимостью. – Вы разлюбили меня и не хотите высказаться». – «Разве я вас любила? – прошептала она. – Впрочем, вероятно, это была любовь, но теперь я познала другую, более чистую и возвышенную. Я бросаю мир, простите меня, если можете...» Наконец Антипу удалось выкрикнуть монастырскую лодку, на которую он и перенес Марфу...

– Всему причиной ее мать! – воскликнул Узелков, выслушав признание дяди. – Ей нужно, чтобы и другие молились об отпущении ее грехов. Эгоистка! Пользуясь беззаветной любовью этой бесплотной силы, она тянет ее за собой под черную мантию...

– Не будем никого обвинять, мой друг, – прервал его Можайский. – Ничья вина не должна служить облегчением нашей личной боли. Теперь ты ни о чем меня больше не спрашивай.

Узелков вышел из шатра, чтобы обойти дозором Половецкую засеку, а Можайский устал в одну из изумрудных звездочек и утонул мечтами в ее беспредельной выси.

IV

Раскопки Половецкой засеки шли успешно. Духи-хранители, ослабевшие, по сказаниям стариков, от долговременной службы, выдали без сопротивления тысячи костяков и массу ржавчины. Наконечники стрел и копий перепутывались с какими-то запястьями и налобниками, несомненно, украшавшими половецких дев. Вместе с большим круглым щитом нашли

медальон и подобие браслета. Редкий череп не носил признаков пробоин, нанесенных тяжелыми кистенями.

– Здесь произошла народная битва, какими были и все ордынские сечи! – решил князь Артамон Никитич, пребывавший целыми днями у засеки. Он облюбовывал каждую вещь, которую Узелков подносил ему не без гордости и торжества. – В могильниках редко такое смешение, какое мы здесь встретили. Очевидно, пострадала не одна боевая рать, но и народ, подвигавшийся под ее прикрытием. Здесь девичьи украшения перепутались с шестоперами и наголовьями великанов. В этом медальоне, несомненно разрубленном страшным ударом кончара, хранились реликвии... и, может быть, тогдашний поручик Узелков сложил из-за них свои кости.

– Что касается теперешнего поручика Узелкова, то он предпочитает сложить свои кости на вершине Гималайского хребта. А гророс, князь, почему мистер Холлидей ни разу не побывал у нашего дела?

– Право, не знаю, – отвечал князь, не отрываясь от своих драгоценностей. – Он ожидает причисления к одному из своих посольств в Азии.

– Чем скорее, тем лучше.

Наконец курган был срыт до подошвы, от него остались только россыпи да излишки костяков.

– Конец работам! – провозгласил князь. – Идите, духи половецкие, и скажите покойникам, что мы честно обошлись с их останками.

Да, Половецкой засеки больше не существовало. Поле опустело. Узелков остался для окончательных распоряжений, а князь и Можайский отправились вдвоем в шарабане в усадьбу.

– Артамон Никитич, вы, разумеется, заметили встреченную мною перемену в вашем доме, – заговорил Борис Сергеевич по дороге к усадьбе. – В полгода моего отсутствия чувства Марфы Артамоновны изменились настолько, что мне приходится считать себя... ненавистным ей человеком.

– О нет, мой дорогой друг, вы ошибаетесь, – возразил князь с необычайным для него оживлением. – Внутренний мир этой милой девушки останется навсегда вам верен, но, к несчастью, я недосмотрел, как она подпала под мистическую ферулу своей матери. Последняя же сделала все, чтобы вытеснить вас из сердца Марфы и очаровать ее строгими идеалами обители. Аскету, испытавшему в свое время водоворот бурных наслаждений, непонятна простая хорошая жизнь в том виде, в каком она создана Творцом... – Князь сморгнул набежавшую слезу. – Но мы еще поборемся с нею...

Можайский молчал.

– Зачем вы замешкались в Крыму?

– Я увлекся постройкой дачи.

– Ну а что вы скажете, если мы покинем Гурьевку и отправимся всей семьей туда, к вам, на юг? Прекрасная мысль, не так ли?

– Прекрасная, но несбыточная.

– Почему же несбыточная? Разве дочери оставят меня без призора? Никогда! И если я скажу им, что мое здоровье пошатнулось, что мне нужны юг, солнце, море... поверьте моей опытности...

Артамон Никитич имел слабость ссылаться в вопросах женского сердца на личный обширный опыт, хотя злые языки уверяли, что все свои увлечения он строго ограничивал обожанием жен и дев времен Трои и ахейян.

– Я думаю... мне кажется... я так полагаю, что Марфа не удержится на высоте своего черного клубочка. Согласимся раз и навсегда, что непокорных женских сердец не существует на свете. Разумеется, нужны известные методы обращения... но разве они нам не знакомы? К

тому же в заговоре с нами будут и небесная лазурь, и душистые ветки сирени, и горный воздух Яйлы и... Право, я заранее провозглашаю: горе побежденным!

Разогретый пыл Артамона Никитича несколько охладел, когда Сила Саввич доложил ему в усадьбе, что княжны изволили уехать в монастырь.

– И из монастыря вытребую! – решил Артамон Никитич. – Я напишу им о своем беспрекословном желании провести лето у вас в Крыму – понимаете ли, о беспрекословном!

Под влиянием неостывшего жара Артамон Никитич написал письмо дочерям и передал его Можайскому для личного доставления в монастырь.

– Видите ли, – пояснил он при этом, – женские сердца требуют известного метода обращения с ними, и повторяю, что на вашем месте я вел бы себя с Марфой... как бы сказать... тверже, бойчее и даже настойчивее. Она прекраснейшее существо, но ведь женщины и даже птенцы женского рода ставят энергию чувств выше энергии ума и даже выше энергии благородства. Поверьте, это аксиома, которую не оспаривали ни в Греции, ни в Риме!

Поездку в монастырь Можайский отложил до утра, причем Узелков, давно уже порывавшийся на охоту, напросился к нему в спутники. Часть Заячьего острова уже обсохла.

По пути к острову Яков Лаврентьевич вознамерился спуститься в воду прямо с лодки, как то дельвал он в прошлых годах.

– Глыбко, не можете, – заметил Антип, придерживав товарища за ягдташ.

– Здесь коса была.

– Инженерам понадобилась. Теперь можно высадиться сажень за сто отсюда... вот у той коряги, там хоть в дамских полусапожках – и то ничего.

– В каких дамских полусапожках? – вскинулся Узелков.

– Положите, говорю, ружье на банкетку, а то замочите... раз-два, раз-два... вот здесь... скачите, дай бог в добрый час.

– Ты мне смотри! – погрозил за что-то Узелков. – Если я замечу...

«Подружка» двинулась далее.

– Сказал – и сам не рад! – пробурчал Антип. – А только вам, Борис Сергеевич, как сурьезному господину, мне врать не приходится. Два, а то и три раза я доставлял сюда старшую княжну... с этим самым Голодаевым, пусто бы ему было.

Антип открыл большую тайну.

«Неужели он завладел ее сердцем? – подумал Борис Сергеевич, почувствовавший где-то там, у себя, в тайниках несомненные уколы. – Воображаю, как старик будет опечален, если ему придется расстаться с нею... как мне его жаль! Он не надышится на нее, и вдруг... свидание на безлюдном острове!..»

На эту тему Борис Сергеевич размышлял вплоть до монастырской пристани. Здесь он внезапно закапризничал и остался в лодке, а с письмом отправил Антипа. Проходили томительные минуты. Наконец калитка открылась, и обе девушки направились к «Подружке».

При неожиданной встрече с женихом Марфа поддалась тревожному чувству и даже выразила намерение возвратиться назад, но Ирина решительно увлекла ее в лодку.

Можайскому пришлось одному справляться с веслами и парусом, так как Антип отпросился к какому-то неподалеку помиравшему деду. Ирина заняла обычное место у руля.

– Что сделалось с отцом? – спросила она. – Вчера он был совершенно здоров, а теперь сообщает, что без немедленной поездки на юг, в Крым, он у гробовой доски.

– Острых явлений я не заметил, но нельзя назвать его и здоровым.

– Он просто разладился благодаря твоим, Марфа, капризам.

– Как вы, княжна, образно выразились – разладился!

– Отец умно поступит, если возьмет тебя отсюда в Крым.

– Надеюсь, что и вы не откажетесь посетить мое крымское гнездышко. Оно скопировано по образцу виллы, на которую вы обратили однажды внимание в живописном описании Рима.

– Нет, я не могу ехать туда ради одного удовольствия видеть прелести нашей Ривьеры. Здесь во врачебной помощи большая нужда. Марфа другое дело, Марфа должна ехать.

Вслушавшись в этот разговор, Марфа зарделась густым румянцем, который давно уже не появлялся на ее матовом лице. В выражении ее прекрасных глаз чередовались испуг и колебания. Решаясь, по-видимому, на что-то необычайное, она сняла обручальное кольцо.

– Борис Сергеевич, я не поеду в Крым, – выговорила она надорванным голосом. – Отказ этот вы примете, вероятно, за наш разрыв и поэтому позвольте возвратить вам обручальное кольцо.

– Обручальное кольцо! Вы решаетесь порвать все прошлое без всякого повода?

– Но я обращаюсь к вашему великодушию и умоляю забыть меня.

– Это не ваша мысль! Это стороннее влияние.

– Мы были бы несчастливы.

– Да, при таком настроении... вероятно.

– Вот и вы соглашаетесь, что разочарование не заставило бы себя ожидать.

– Вы пали духом, Марфа.

– Или, наоборот, возвысилась.

– Возвысились? Вы думаете, что возвысились?

Можайский медленно с нервной дрожью снял и свое обручальное кольцо и опустил его вместе с кольцом Марфы в реку.

– Какая уступка! – воскликнула Ирина с изумлением, доходившим до негодования. – Уступка без борьбы и без попытки вернуть так глупо потерянное счастье! Да разве так любят?

– Под борьбой нельзя не видеть насилие, а любовь и насилие взаимно исключают друг друга, – заметил Борис Сергеевич.

– Но самый успех без борьбы не будет ли только удачным приобретением? Вспомните, что наслаждение невозможно без страдания и что любовь не падает с неба в виде дождевых капель.

– Я не поклонник Шопенгауэра и вовсе не разделяю его мрачный взгляд на человеческое счастье.

– Во многих случаях, однако, без борьбы с жизнью человек напоминал бы плаксивого нищего, не умеющего разжалобить прохожего на подачку.

– Вы правы, но только не по отношению к любви. В этом чувстве борьба мне противна. Если она не приходит сама собой в виде радуги, то пусть она вовсе не приходит.

Положение это стоило того, чтобы над ним задуматься. Обмен мыслей прервался. У Заячьего острова Можайский повернул лодку к отмели, чтобы принять Узелкова.

– Пока охота еще невозможна, – сообщил Яков Лаврентьевич, здороваясь с княжнами. – Вместо дичи я нашел здесь свежий номер «Таймс». Как он мог попасть сюда? Удивительно!

Ответа не последовало.

– Мистер Холлидей ездит сюда не один, – продолжал Узелков, берясь за вторую пару весел. – По крайней мере я видел на песке отпечаток женских каблучков.

– И именно моих? Что же далее? – спросила княжна Ирина несколько вызывающим тоном.

Поручик не соразмерил предпринятое им нападение со своими душевными резервами и на вопрос «что же далее?» не нашел ответа. Он ограничился тем, что неповинный перед ним лист «Таймс» утопил в Волге.

V

Библиотека в гурьевском доме выглядела вообще сурово, а на этот раз суровее обыкновенного. Казалось, бюсты и портреты княжеских предков поссорились между собой. Сегодня

бронзовый фельдмаршал читал нотацию красавице в роброне. Сановник с удивительным коком на голове не ласкал более девочку, которой он любовался полтора столетия. Нимврод глядел с ненавистью на свою знаменитую свору. Наконец, группа дамских портретов косилась на портрет матери Аполлинарии. По-видимому, она-то и возмутила сегодня вековой покой и фельдмаршала, и сановника с коком, и Нимврода, и весь сонм угасших красавиц гурьевского рода.

Князь находился в полном душевном единении со своими предками. Он нервно перелистывал какой-то фолиант, когда в библиотеку вошли обе дочери.

– Я пригласил вас посоветоваться и решить семейный вопрос о переезде на юг. Мне надоел наш медвежий угол.

– Отец, ты ли это говоришь! – воскликнула Ирина. – Когда мы заводили речь о духовной неприютности нашей усадьбы, особенно зимой, ты защищался упорнее коменданта в осажденной крепости.

– И очень дурно делал. Но только теперь я вижу, что, сидя на этой вышке, я лишаю вас общества и приношу себе в жертву ваши душевные и сердечные интересы.

– Напротив, нам здесь очень отраднo, – решила промолвить Марфа, – здесь все так спокойно, кротко, возвышенно.

– Прекрасно, но нельзя же делать из меня монастырского служку. Ирина, ты одна в нашей семье обладаешь пока здоровыми нервами. Ты говорила, что мне, князю Гурьеву, не следует прятаться от людских взглядов. Ты права, нам нужно выбраться из этой западни на вольную волюшку. Будущий зимний сезон в столице обещает быть превеселым...

Артамон Никитич склонял дочерей на сторону своего плана как и чем умел.

– А что же, отец, ты будешь делать в Крыму?

– Дышать, любоваться морем, лечиться виноградом и бродить по горам. Здесь я ветшаю с поразительной быстротой, а там юг, тепло и живительные силы. Ты, Ирина, будешь лечить крымских татарчат, а ты, Марфа, поэтизировать. Я брошу историю Российского государства и займусь цветоводством. Но, Марфа, где же твое обручальное кольцо?

Марфа склонила голову и промолчала.

– На дне Волги! – объявила Ирина.

– На дне Волги? Что ты говоришь?

– Марфа безумствует по недостатку железа в крови, а Борис Сергеевич по излишку гуманности отступился от нее, говоря, что любовь должна приходиться сама собой, как радуга.

– Какой прекрасный человек! – воскликнул князь. – Какая сила любви! Да ведь он любит тебя, Марфа, рыцарской любовью.

– Пусть так, но прости меня, отец, я не могу уйти из обители, – выговорила Марфа. – Я должна остаться возле матери и... что бы мне ни грозило... я не изменю своему долгу.

С безнадежно пытливым взглядом взглянул отец в ее глаза и убедился, что эта восковая девушка преисполнена фанатической решимости.

– А ты, Ирина?

– Отец, не могу и я следовать за тобой, – объявила неожиданно Ирина. – До сих пор я не решалась на признание, но теперь уже не могу отлагать далее... Марфа, мне нужно поговорить наедине с отцом, и притом о делах, в которых ты ничего не понимаешь.

Марфа поспешно оставила библиотеку.

– Я люблю Уильяма и дала слово выйти за него замуж, – объявила Ирина. – Знаю, этот брак тебе не по душе, но мои чувства превозмогли все соображения, и я прошу твоего, отец, благословения.

Артамон Никитич, откинувшись на спинку кресла, усиленно глотал подступившие рыдания. Расставаясь с Ириной, он терял половину своего сердца.

– Он увезет тебя?

– Увы!

– И когда настанет мой смертный час, то возле меня не найдется родственной руки, чтобы закрыть мне глаза. Дети, дети! А впрочем, ты не слушай меня, Ирина, нет, я справлюсь с этим старческим эгоизмом, я уйду с дороги твоего сердца. Твой выбор мне не нравится, но я... благословляю...

Благословением служили обильные слезы, которыми он оросил голову склонившейся перед ним дочери. Странное дело, Ирина тоже плакала, а между тем она презирала слезы как явление слабости и неумения повелевать собою.

Душевные испытания последних дней тяжело отозвались на здоровье князя. Временами он чувствовал принижение и воли, и мысли. Во всей его природе сказывались отупение и равнодушие. Приходилось слечь в постель.

Сила Саввич не в первый раз уже был свидетелем угнетения его душевной и физической бодрости. Явление это повторилось теперь в той же форме, в какой оно было однажды после размолвки с княгиней. Тогда совершенно случайно Сила Саввич увидел княгиню у ног мужа. После того она отправилась в монастырь, из которого никогда уже не возвращалась в Гурьевку. После этой сцены Артамон Никитич впал в бесчувствие, граничившее с психическим расстройством.

И теперь, как и тогда, Сила Саввич устроил больному постель в библиотечном фонарике, выходявшем на Волгу, а себе приспособил ширмочки за дверью. Отсюда можно было слышать малейший шорох в библиотеке и наблюдать за всею анфиладой комнат.

Взглянув однажды на реку, Сила Саввич увидел у пристани пароход богатого волгара Радункина, доставивший в усадьбу группу гостей.

Впереди выступал легкой самоуверенной поступью молодой генерал, популяризированный в ту пору сотнями тысяч иллюстраций и фотографий. По всей шире русской земли его портреты расходились несметными массами. Они занимали почетное место и в щепетильных гостиных, и в лубочных навесах. Он выделялся из общего генеральского фона вензелями, золотыми аксельбантами и, главное, двумя офицерскими теориями. Они не даются даром; притом же и как человек он импонировал своей наружностью. Согретый славой и считая за собою право на проницательный и слегка саркастический взгляд, он свободно чувствовал себя избранником не одних людей, но и судьбы. Отсюда возникло само собой некоторое кокетство с окружающим миром, даже некоторыми деталями, вроде изящной бородки, картавого произношения...

– Его превосходительство Михаил Дмитриевич Скобелев изволили пожаловать к нам! – доложил Сила Саввич, приотворив дверь в библиотеку.

– Очень рад, очень рад! – послышался довольно бодрый ответ больного. – Устрой его во флигеле.

– Не извольте беспокоиться.

За генералом поспешал старик Жерве, воспитатель и наставник его юности, пользовавшийся и в зрелые годы полным его расположением. То был единственный человек, которому удавалось заглядывать в глубь души своего питомца. По происхождению женевец, а по складу ума последователь Лагарпа, он и теперь старался направлять шаги питомца к добру и правде.

Сила Саввич встретил гостей у лестницы.

– Здравствуй, старый ворон! – приветствовал его ласково Михаил Дмитриевич. – Все ли здоровы в усадьбе?

– Благодарение Господу! Кому как положено... а ваше превосходительство надолго изволили к нам пожаловать? Любопытствую, собственно, насчет обстановки.

– Да вот теперь я не у дел и мне хочется попить для поправления здоровья волжской водицы.

– Хорошая, сударь, вода, хорошая! Для душевного спокойствия нет лучше этой воды. Пожалуйте во флигель.

Гурьевка оживилась и повеселела. Располагая по произволу своими нервами, Михаил Дмитриевич наводил вокруг себя и ясную погоду, и тучки.

В ту пору наша отечественная жизнь готовилась озариться усиленным северным сиянием. В гостиных столицы и юные ласточки, и старые скворцы щебетали и на ушко, и вслух о предстоявших грандиозных реформах. Указывали и на их авторов. Диктатура сердца была у всех на языке...

По личному положению и по связям с высшим обществом Михаил Дмитриевич находился у самого водоворота столичной жизни, поэтому для князя как собирателя исторических материалов он был вдвойне дорогим гостем. Улучшение в состоянии здоровья позволяло уже больному выходить в столовую, но ему очень нравились дружеские завтраки в библиотеке в обществе Михаила Дмитриевича, Можайского, Узелкова и Жерве. Здесь не было разницы в чинах, положениях и летах.

– Из того, что известно, никакой историк не дает правильного определения о прошлогодней рекогносцировке нашего отряда в оазисе Теке, – заметил однажды за завтраком Артамон Никитич. – Помогите мне подойти к истине, иначе мои мемуары...

– Ваши мемуары – сама правда, – прервал его Михаил Дмитриевич, – но они утратят эту драгоценную сторону, если вы назовете прошлогоднюю авантюру за Каспием рекогносцировкой. Экспедиция была задумана недурно, но внезапная смерть Лазарева... и нужно же было истинно военному человеку умереть от какого-то глупейшего карбункула! Неужели и меня смерть застигнет не у Мраморного моря, не на вершине Гималаев, а на подушке, пропитанной ландышами из Берлина... Тьфу!

– Вместо того чтобы кокетничать со смертью, вы лучше расскажите, как и что произошло в прошлогодней рекогносцировке? Здесь мы все свои. Мистера Холлидея нет.

– Извольте, но, поручик Узелков, заткните уши. То, что я расскажу, принадлежит истории, а не фендрикам. Лазарев, разумеется, выполнил бы экспедицию блистательно, но, как вы знаете, он умер в самом ее начале. По его смерти образовался триумвират, под начальство которого поступил образцовый отряд. Кавказ дал ему представительную пехоту из кабардинцев, ширванцев, куринцев, новагинцев и такую кавалерию, как дивизионы Таманского, Полтавского и Лабинского полков. Как же, однако, распорядился триумвират этой силой? Задолго еще до вторжения в оазис Теке продовольственные запасы отряда истощились до того, что лошадиные галеты – из соломы, проса и промозглой муки – сделались своего рода лакомством. Турсуки для воды оказались дырявыми. Солдаты набрасывались поневоле на зеленые бахчи, и, разумеется, дизентерия грозно вступила в свои права. Наконец подошли и к Геок-Тепе, не предполагая, что полудикари могут выстроить крепость внушительного значения. Стукнувшись лбами о ее стены, отряд принужден был броситься на штурм, причем каждый из триумвиров принялся нападать и отступать на собственный риск и страх. Один из них отправился в крепость как на прогулку и был неприятно удивлен, когда его приветствовали оттуда несколькими тысячами мультуков. В этот день выбыло из отряда четыреста пятьдесят человек, и вот родился вопрос: можно ли при повторении штурма рассчитывать на успех? Решили отрицательно. Тогда триумвиры свернулись в каре и поднялись в обратный поход. Зная, однако, что русские в Азии не отступают, текинцы, понесшие от артиллерийского огня чувствительный урон, пошли на мировую и выслали депутацию с покорностью. Каково же было изумление парламентариев, когда они увидели наш отряд в полном отступлении. Теке быстро возмечтало и перешло в наступление. Вот тут-то и обнаружили невероятные дефекты в хозяйстве отряда. Никто не знал, куда девались заказанные для экспедиции полторы тысячи арб, и раненых пришлось везти привязанными на верблюдах! Насколько же был велик у триумвиров запас политической мудрости, видно хотя бы из следующего поступка. В Бами и Беурме правил умный

человек Эвез-Мурад-Тыкма. До экспедиции он считался приятелем наших властей, доставлявшим драгоценные сведения об этнографии Туркмении. Притом же он родом иомуд, а не текинец. Не разобравшись между другом и недругом, его арестовали без всякой надобности и поволокли арестованным при отряде. Нашелся и полицейский чин, позорно оттрепавший его за бороду. Разумеется, Тыкма бежал при первом удобном случае, и теперь мы имеем в нем заклятого врага. Словом, дорогой князь, – заключил свой рассказ Михаил Дмитриевич, – вы обведите в своих исторических записках двадцать восьмое августа тысяча восемьсот семьдесят... года траурной рамкой.

– И дополните историю этого печального дня, – вставил и свое замечание Борис Сергеевич, – заметкой о том, что не Азия должна изучать нас, а мы Азию, и что нельзя посылать туда деятелями людей без знания нравов и обычаев страны.

– Как нельзя предпринимать там войны без твердой уверенности остаться победителем. Наши профессора военного дела, – проговорил Михаил Дмитриевич, – должны считать военные неудачи в Азии не одним умалением нашей славы, но прямо-таки государственным преступлением.

– Неужели двадцать восьмое августа останется без реванша? – спросил Узелков, загоравшийся и потухавший в один тон с Михаилом Дмитриевичем.

– Нет, поручик, с Азией шутить нельзя. Новый поход в Туркмению считается делом решенным, и, по всей вероятности, я стану во главе экспедиционного корпуса. Меня не любят в Петербурге, но на меня смотрят... Борис Сергеевич, могу ли я рассчитывать на ваше в этой экспедиции сотрудничество?

– При каком же деле? – спросил не без удивления Можайский. – Вы знаете, что я человек гражданский и никак уж не создан для лавров героя.

– Да я и не приглашаю вас стать во главе штурмовой колонны, но перед вашими глазами прошли экспедиции хивинская, бухарская, кокандская. Вдвоем мы докажем, что при доброй воле можно и на войне уберечь казенный сундук. Правда, в Петербурге будут говорить, что я оригинальничая, навязывая себе на шею ожерелье из контрольного тяжеловеса, но хорошо смеется тот, кто смеется последний.

– Михаил Дмитриевич, – робко выговорил Узелков, – в случае войны не забудьте и поручика-сиротинку.

– Хорошо. Вот вам моя памятная книжка. Записывайтесь.

Здесь уж радость Якова Лаврентьевича могут понять только те, кто не утратил еще воспоминания о чувствах поручиков накануне войны.

VI

Узелков заведовал в течение всей болезни Артамона Никитича гурьевской метеорологической станцией, сила и направление ветров состояли под его особым наблюдением. По неукоризненности записей он мог поспорить с присяжными ветродуями. Мало того, он решился, не боясь понести поражение, издавать бюллетени о местных барометрических явлениях. В последнем бюллетене своем он решился даже предсказать шторм для всего Среднего Поволжья, за что и был призван к Артамону Никитичу со всеми исчислениями и картограммами. Строгая проверка блистательно оправдала гурьевского ветродуя, так что князь не задумался разослать телеграммы о приближавшейся буре.

В предсказанное время Волга начала покрываться водяными вспышками, точно под ее дном распалили громадный костер. Всколыхнувшиеся вслед за вспышками волны пошли срывами, отбрасывая по сторонам мириады брызг. Кроме бури нужно было ожидать и той дикой прелести, которую народ зовет воробьиной ночью и перед которой оперный шабаш на Брокене – не более как институтская сказочка.

Из усадьбы никто не отлучался. Впрочем, Марфа находилась в обители, а Радункин суетился на пристани с намерением выслать пароход на помощь, если буря разыграется и нападет на грузные беляны и расшивы. Остальное общество собралось после вечернего чая в библиотеке и разделилось на группы. Артамон Никитич и Жерве занялись временами Лагарпа и влиянием его на русского венценосца, княжна Ирина и мистер Холлидей предались шахматной игре, а Михаил Дмитриевич и Можайский повели оживленную беседу о Средней Азии. В этой беседе вспоминалось довольно часто Геок-Тепе, что обозначает в переводе с тюркского наречия Голубой Холм. А там уже шли Мерв, Герат, Кабул, Кандагар, Гиндукуш, Пешавар и целый маршрут к берегам Ганга.

– Господин лейтенант, не разрешите ли вы одно из наших сомнений? – обратился Михаил Дмитриевич к мистеру Холлидею. – Вы как офицер бенгальских войск не раз проходили по карте из Индии в Туркестан и, разумеется, изгоняли нас оттуда с позором...

– Ваше превосходительство, Англия никогда не нападет на Россию в Средней Азии, – заметил хладнокровно мистер Холлидей. – Эта часть Азии богата историческими развалинами, но бедна рынками. Там много красивых руин, но невелик спрос на наши мануфактуры.

– Следовательно, вы ожидаете нас к себе?

– Если вам угодно.

– Ради чего вы совершили свою последнюю военную прогулку в Кабул?

– Хотя бы для того только, чтобы убедиться, может ли Россия дойти до Гиндукуша.

– Не понимаю.

– В походах до Кабула мы погубили несколько сотен слонов и шестьдесят тысяч верблюдов, поэтому России понадобится для приближения к Гиндукушу двести тысяч вьючных животных. Но подобную армаду содержать невозможно. Ни Александр Македонский, ни Кир Персидский, ни Тимур не располагали такой транспортной силой.

– Вы забыли, что верблюда нетрудно заменить локомотивом.

– Англия не так гостеприимна, чтобы строить железную дорогу для русских войск, притом же между Индией и Россией лежат буферные страны – Туркмения, Афганистан и Персия.

– Буфер служит предохранителем только при слабых толчках, а не при стихийных ударах.

– Если вам угодно так произвольно распоряжаться нейтральными землями, то потрудитесь вспомнить, что вода всего земного шара принадлежит Британии.

– Можно подумать, что Британия повелевает и небесными тучами, и влагой в недрах земли? – вмешался Узелков в разгоревшийся спор.

– Я повторяю, что все океаны в руках Британии. Над решением этого вопроса целые века трудились многие поколения наших предков.

– И нажили при этом трудолюбии немало стерлингов, которыми и измеряется все величие вашей страны, – пояснил Михаил Дмитриевич. – Лично я оцениваю политическое величие Англии не более как в миллиард кредитных рублей. За эту сумму нетрудно выставить флот, который без труда перенесет к святому Патрику и к устью Инда несколько сот тысяч штыков. Вообще Англия забывает, что, разбросавшись во всех частях света как у себя дома, она выставляет повсюду свои ахиллесовы пятки. Ведь недостаточно же натравливать индусов против магометан, а этих против буддистов, чтобы обеспечивать за собой индийскую территорию. Первая серьезная катастрофа на море будет сигналом к распадению искусственно созданного могущества.

– Но вы, генерал, как передовой и притом истинно военный мыслитель, совершенно основательно предвидите, что деньги и военные победы связаны между собой неразрывно. Со стороны же денежной Англия, надеюсь, никогда не уступит России пальму первенства и вовремя озаботится созданием Гибралтара там, где она предвидит надобность.

– Так, например, на Северном полюсе? – спросил Узелков.

– Да, и на Северном полюсе, но прежде мы должны устроить Гибралтар в одной из японских гаваней или на берегах Кореи. Там интересы Британии...

– А вы как же это сделаете – захватом?

– По всей вероятности. Впрочем, генерал, вы не откажетесь признать, что Англия поддерживает свое мировое значение не одними броненосцами, но и гегемонией высшего государственного порядка. Где британский флаг, там свободный человек.

– С ярмом в руках для побежденных стран, – заметил Михаил Дмитриевич. – Вот этого ярма мы, русские, и не несем впереди своих полков.

– Но у вас всегда за плечами Сибирь...

– Мистер Холлидей, советую вам вспомнить слова вашего великого Чарлза, который, несмотря на патриотизм истого британца, сказал, что «если англичанин начнет восхвалять величие своей родины, то он непременно наскочит несообразных вещей».

Мистер Холлидей промолчал. Разгоревшийся спор обратил на себя внимание князя, который вообще не переносил страстных политических дебатов.

– Ирина, – обратился он к дочери, – мне хочется прослушать песнь Баяна. Твоя игра на арфе замечательно успокаивает мои нервы.

– Охотно, отец, охотно.

Арфу принес Узелков.

Необыкновенно мягкая и изящная игра княжны завоевала общее внимание. Под ее впечатлением Можайский отошел в беспредельное царство звуков. Узелков тоже перенесся в сказочный мир. Даже Михаил Дмитриевич отодвинул от себя бокал с шампанским. Один мистер Холлидей продолжал соображать какую-то шахматную комбинацию.

– Неужели, лейтенант, вас не пленяют эти чарующие звуки? – спросил Михаил Дмитриевич. – В состоянии ли ваши подмороженные мисс вызвать на божий свет такую артистическую роскошь?

– Не скрою, игра княжны доставляет мне высокое наслаждение.

– А песнь Баяна? Это один из перлов русского творчества.

– Наши шотландские баллады...

– Ваши шотландские баллады приятны только возле кухонного очага! – выпалил ядовито Узелков.

– С этой стороны я незнаком с шотландскими балладами. Мне, господин поручик, не случилось быть в роли поваренка.

Вспышку Узелкова предупредил повелительно-ласковый взгляд княжны.

– Извольте, смиряюсь, – выговорил он с вынужденной покорностью, – смиряюсь, но требую награды. Вы, княжна, так прекрасно играете марш добровольцев! Рояль неподалеку.

– Марш, который так любит Михаил Дмитриевич?

– Да, тот, с которым он пройдет с нашими полками по руинам Афросиаба, Бактрии и Вавилона.

– Куда же, господин поручик?

– В Индию, господин лейтенант.

В это время гроза проявилась в таком диком величии, что все общество притаилось и припрятало свои личные счета. Волга, нападая на подножие гурьевской усадьбы с ожесточенной яростью, раздражалась ошеломляющим ревом. Ему вторили удары, покрывавшие всю окрестность громовыми перекатами.

В минуту молчания среди общества появился возвратившийся с пристани Радункин. Сообщив, что вблизи не слышно призывов о помощи, он присоединился к Михаилу Дмитриевичу и повел с ним таинственную беседу.

– Ничего из этого не выйдет, – объявил во всеуслышание в конце переговоров Михаил Дмитриевич, – и к чему? Русь так богата сдобным купеческим телом и с большими при этом капиталами...

– Михаил Дмитриевич, пощадите! – взмолился Радункин. – Я обратился к вам с открытой душой как к покровителю русских самородков...

– Ошиблись, дорогой мой, ошиблись. Я не поклонник самородков, которые, гнушаясь своим родом-племенем, забывают, что их деды драли лыко, а отцы гнули ободья в лесах. Ирина Артамоновна, позвольте попросить у вас одну минуту внимания. Кронид Пахомович желает устроить в Гурьевке спасательную станцию, но не иначе как с классической на фронтоне надписью: «На пользу человечеству от Ирины Радункиной, урожденной княжны Гурьевой».

Княжна сделала вид, что она слышит шутку, на которую можно и не отвечать. В это время мистер Холлидей предложил ей партию в шахматы, на что она охотно согласилась. Игра у них затеялась серьезная, вдумчивая.

Узелков также недурно играл в шахматы. Подойдя к столику, он уже не отходил от него и все более и более волновался при неудачных ходах княжны.

– Вы так превосходно повели свою партию и потом внезапно, точно в гипнотическом состоянии, пошли навстречу к поражению, – заметил он, когда партнер объявил ей шах и мат.

– А вы, поручик, какого мнения насчет гипнотизма? – спросил его мистер Холлидей.

– Я признаю гипноз как одну из величайших неисследованных сил природы, но думаю, что гипнотизеру пришлось бы много потрудиться надо мной.

– Да-а? Гм! По вашему критическому разбору игры я признаю в вас сильного шахматиста. Не удостоите ли сыграть со мной партию?

– С удовольствием, мы будем записывать все наши ходы, хорошо?

– Согласен.

Игра началась. Первый ход мистер Холлидей обдумывал очень долго, что угнетающим образом подействовало на Узелкова. Но какой же уважающий игру партнер будет торопить противника? Некоторое время княжна Ирина оставалась возле шахматного столика, и, только заметив умоляющие взгляды Радункина, она предложила ему пройти в соседний зал.

– Кронид Пахомович, я ценю ваше ко мне расположение, но, простите, я не могу быть вашей женой, – заговорила она решительным тоном. – Мы люди разных полюсов и друг друга не пойдем. Вам необходима для коммерческой обстановки красивая жена из знатного рода, а для моего счастья необходим человек, обладающий умом и чувствами... Ну как бы вам это сказать? Обнимающий гармонию...

– Вам нужен англичанин! – брякнул Радункин.

– Вы думаете? Прекрасно, не будем спорить...

– И это ваше бесповоротное решение?

– Да, Кронид Пахомович, бесповоротное...

По возвращении в библиотеку княжна заметила, что Узелкову грозит позорный шах и мат. Кроме того, ей бросилась в глаза происшедшая с ним в короткое время перемена: глаза его потускнели, обычная на щеках краска уступила место серо-пепельному цвету, и в общем он выглядел тупо и бессмысленно. Передвигая автоматически шахматы, он так же машинально отмечал на таблетке каждый свой ход и вовсе не замечал, что партнер смотрит на него с обидно величавым презрением.

– Он в транс? – тревожно спросила Ирина.

– Да, и притом он подчинился мне легче молодого кролика.

– Но, Билли, с его пробуждением окончится ли твое влияние?

– Если я того захочу. Повторяю, он кролик, и мне нетрудно держать его в повиновении, несмотря на время и пространство.

– Билли, не напоминаю ли и я этого бедного кролика? Однако пробуди его, иначе мы привлечем общее внимание.

Княжна не ошиблась. Михаил Дмитриевич давно уже следил за шахматной игрой Узелкова.

– Не нравится мне этот просвещенный мореплаватель, – заявил он наконец в среде своего кружка. – Поручик, надеюсь, вы разбили все флоты адмирала Нельсона?

Узелков не скоро ответил. В самом же ответе его, походившем на вынужденный набор слов без взаимной их связи, чувствовался переход от кошмара к жизни наяву.

– Старался... не мог... мне так тяжело! Он меня давит... освободите!

– Что с ним? – раздался общий вопрос.

– Господин лейтенант, что с ним? – спросил и Михаил Дмитриевич. – Он обеспамятел, обессилел... и куда девался его яркий румянец?

– Поручик впал в гипнотическое состояние, но сейчас настанет полное его пробуждение.

– А вы, господин лейтенант, с чьего же позволения показываете здесь свои фокусы?

При этом вопросе гордость британца почувствовала серьезный укол. Обычная в другое время недоступность его сменилась нервной дрожью.

– Фокусы? – спросил он, стараясь задавить ненужным вопросом нанесенную ему обиду. – Вы, генерал, изволите признавать гипнотизм – этот гениальнейший в будущем рычаг мироздания – шарлатанством, не более?

– Черт побери, дело не в названии! – горячился Михаил Дмитриевич. – Будет ли ваш гипнотизм рычагом мироздания – это еще бабушка надвое сказала, а вы извольте отвечать, кто вам дал право испытывать здесь, в почтенном доме – и над кем же? над офицером русской армии! – вашу силу, которой приличнее проявляться во врачебной аудитории или в цирке, если вам угодно?

Мистер Холлидей не мог извиниться. Он ни перед кем не извинялся, но он нуждался в заступничестве, и оно явилось.

– Михаил Дмитриевич, я давно хотела видеть проявление гипнотизма, – заговорила княжна Ирина, выдержав металлически-упорный взгляд мистера Холлидея. – Может быть, я поступила опрометчиво, но я одна виновата.

– Прошу вас, – обратился Артамон Никитич к мистеру Холлидею, – не возобновляйте в моем доме свои гипнотические упражнения. Они, как видите, поселяют крупные неудовольствия.

Мистер Холлидей сделал общий поклон и вышел из библиотеки. При этом случилось так, что взгляды его и Михаила Дмитриевича встретились.

«Ты мне ненавистен, – говорил взгляд последнего. – Я презираю твою силу, и будет время, когда я наступлю на тебя тяжелой пятой».

Мистер Холлидей как бы принимал его вызов.

«Хорошо, померяемся, – отвечали его металлические зрачки, исполненные холода и злобы. – Помни, однако, что я ни над чем не задумаюсь... ни над чем, даже над преступлением!»

VII

Гурьевка приняла нового гостя.

– «О’Донован, – прочел Михаил Дмитриевич на поданной ему карточке. – Корреспондент “Таймс” и англо-бомбейских газет». Знакомая, но забытая фамилия.

– А не помните ли вы его фляжку, которую он предназначал для раненых, но осушал ее каждый раз перед началом сражения? – спросил Жерве, обладавший хорошею памятью.

– Просите!

Перед Михаилом Дмитриевичем предстал тип путешествующего корреспондента английской прессы с навешенными на ремнях фляжкой, биноклем и записными книжками в красных переплетах. Предприимчивость и самоуверенность светились в каждом его приеме.

– Представитель английской прессы, – рекомендовался мистер О’Донован с несколько развязной манерою. – Во время последней восточной войны я первый трубил миру о ваших, генерал, победах.

– К сожалению, я не имел удобного случая расстрелять вас под Плевной, – осадил Михаил Дмитриевич господина, трубившего о его победах.

– О, генерал, вы не способны на такую черную неблагодарность.

– Генерал поступил бы справедливо, воздав должное за ваши грязные измышления против русской армии, – вставил свое замечание Жерве.

– Узнаю вас, строгий пуританин.

– Как я узнаю вашу фляжку.

– Что вас привело сюда? – спросил Михаил Дмитриевич.

– Прежде всего сердечное желание приветствовать вас, генерал, с новым назначением. Я прямо из Лондона, а там уже известно решение вашего правительства разгромить свободную страну – Теке, а может быть, и подойти к Герату.

– Прекрасное решение.

– Я не забыл, генерал, ваше признание в Сан-Стефано, что вся цель вашей жизни будет заключаться в обращении Мраморного моря в русское озеро и в разработке похода на Индию.

– Увы! Миролюбие нашего правительства не позволяет мне и мечтать о таком справедливом возмездии.

– Возмездия за что?

– За незваное появление вашего флота возле Мраморного моря. Что касается Теке, то мы разгромим его, хотя бы Англия прислала на помощь этим разбойникам лучшие изделия своего Вулвичского арсенала.

– Генерал, в Англии отлично понимают, что вам необходимо загладить впечатление вашей прошлогодней неудачи. Нельзя же допустить, чтобы орда хищников потеряла уважение к неуязвимости русского солдата.

– Не вы ли корреспондировали в прошлом году из Туркмении?

– Я, генерал. Под видом охотника я доходил до Гярмаба, этого горного массива, отделяющего Теке от Ирана.

– Воображаю, как вы радовались бестолковому отступлению наших неудачников. К счастью, радость ваша не будет продолжительна.

– Тем более что наш министр колоний потерпел поражение перед вашей национальной партией. Не скрою, все старания были пущены в ход, чтобы помешать вашему назначению в начальники экспедиционного корпуса, и – увы! – пока мы с вами разговариваем, курьер торопится доставить вам приглашение пожаловать в Петербург для разработки плана экспедиции.

– Как я вижу, вы богаты сведениями.

– Как и все военные корреспонденты солидных органов английской прессы. Теперь же, по уполномочию синдиката англо-бомбейских газет, я прошу вашего, генерал, позволения следовать при вашем закаспийском отряде.

– С условием! Сплетничать обо мне сколько угодно, но при первой же гадости о моем отряде я изгоню вас с величайшим позором.

– Охотно принимаю ваши условия.

Михаил Дмитриевич позвонил и приказал подать шампанского.

– А теперь тост за достижение моих целей.

– А ваша цель – Индия?

– Индия, господин корреспондента, Индия!

– В таком случае я отказываюсь от вашего тоста. Я готов пить за все ваши победы, генерал, даже за победы в Проливах, но не за победу у железнодорожной станции Пешавара. Проливы всего земного шара не стоят в глазах Англии одного перевала через Гиндукуш.

– Мне очень нравится ваша откровенность. Действительно, только древние старушки, много потрудившиеся на своем веку в расчесывании комнатных собачек, могут еще говорить о Проливах. Проливы ничто в сравнении с дорогой к берегам Ганга. Там должен решиться мировой вопрос, а вовсе не под окнами константинопольских сералей. Итак, вы отказываетесь от моего тоста? Прекрасно, это ваше право, но вы отказываетесь вместе с тем и от удовольствия быть корреспондентом при моем отряде.

– Что делать, генерал, что делать! Я не располагаю полномочиями нашего парламента уступить вам Индию.

– Нам не о чем больше говорить. До свидания, мистер О’Донован.

– До свидания, генерал, и знаете ли где? Все-таки в палладиуме страны Теке, у стен Голубого Холма. Отсюда я отправлюсь в Персию, а там буду ожидать вашей высадки на берегу Каспийского моря. Ваша база будет опираться на Красноводск и Чекишляр...

О’Донован откланялся и попросил Силу Саввича указать ему комнаты мистера Холлидея.

– Люблю я этих нахалов – военных корреспондентов английских газет, – признался Михаил Дмитриевич своему Жерве. – Между ними и нашими газетными тихоходами неизмеримая разница. Наши кормятся обычно штабными реляциями, а те все видят, все знают и нередко освещают театр войны успешнее всяких разведчиков.

VIII

Буря привлекла за собою не то избытки озона, не то волнующего свойства токи, которые отняли у гурьевцев сон и спокойствие. В эту ночь все, по-видимому, дремало – и парк, и дальняя окрестность, и залитая лунным светом обитель Святой Варвары. Казалось бы, и людям можно было отдаться вместе с природой душевному миру, между тем вся Гурьевка находилась в напряженном состоянии.

В библиотеке вплоть до утра горел огонь, а в комнатах Ирины мелькали силуэты, точно там суетливо собирались в дорогу. Узелков давно уже следил за движением теней и, разумеется, не упустил тот момент, когда княжна открыла окно и задумалась... Над чем? Узелкову показалось, что она заметила его и только для него распустила свою косу, которую своевольно развевал по сторонам утренний ветерок.

«Так легко погубить человека, – думалось Узелкову. – Перед такой косою не только я, не только дядя, а и сам Михаил Дмитриевич опустится на колени».

Кто-то отворил наружную дверь во флигеле, и Ирина скрылась в своей комнате.

– Дядя, куда так рано? – спросил Узелков, заметив, что Борис Сергеевич вышел на воздух.

– Не спится. Пройдусь по парку.

– И я с тобой.

В парке было хорошо. Ничто не нарушало покой вековых старцев, позолоченных косыми солнечными лучами. Здоровая прохлада бодрила и ум, и сердце. Являлся общий запрос на жизнь и на ее красоту...

– Дядя, – признавался Узелков перед Борисом Сергеевичем, – я в первый раз в жизни нахожусь в таком чудесном настроении... Скажи, милый, хороший, видел ли ты ее косу?

– Чью косу? Что с тобой?

– Косу Ирины.

– Разумеется, видел. Она придерживается греческой прически...

– Да не в прическе, а распущенную по ветру! Ах, сколько в ней поэзии!

- Голубчик, ты бредишь.
- Думаю, что она молилась Богу или искала мысленно по свету родственную душу...
- Не можешь ли говорить проще и толковее.
- Дядя, от тебя укрыться невозможно. Ты молчишь для того, чтобы видеть, и видишь для того, чтобы молчать.
- Да, я вижу, что все твои помыслы обращены к Ирине. Но раз ты меня зовешь другом, не сердись за правду.
- Только не разочаровывай.
- Она для тебя все: и эфир, и алтарь и молитва. Но, извини, ты ей не пара.
- Вы думаете, Борис Сергеевич?
- Ты только что вступаешь в жизнь, а ее горизонты и требования уже окрепли и обнимают много такого, до чего поручик не скоро еще додумается.
- Вы полагаете, что она ответит мне отказом?
- А ты решился сделать ей предложение?
- Да, и... она уже ответила мне... почти признанием.
- Ответила признанием?
- Она отворила окно и явилась предо мною в лучезарном поэтическом образе. Для кого распустила она свою косу? На кого она так томно смотрела... в час утреннего рассвета?
- Все это предназначалось – увы! – мистеру Холлидею. Его окно рядом с твоим.
- Дядя, или ты меня дразнишь... или я сегодня же вытяну его на барьер.
- Ого, здесь кровью пахнет! – послышался голос Михаила Дмитриевича.
- Он шел под руку с Жерве и неожиданно предстал перед друзьями.
- Поверьте, что я предоставлю вам случай пролить свою кровь, хотя бы до последней капли, в честь красивейшей в мире женщины – в честь нашей родины. Кого и за что он приглашает к барьеру?
- Не смею нарушить его тайну, – отвечал Можайский.
- Поручик, извольте признаваться, вы влюблены?
- Да, в княжну Ирину! – объяснил безжалостный Жерве.
- А вы почему знаете? – спросил Узелков, утонувший мгновенно весь с кончиками ушей в розовую краску.
- Но безнадежно, потому что она предпочитает всем героям мира мистера Холлидея. Таковы мои наблюдения. Надеюсь, что молодой офицер не вызовет старого философа за эти наблюдения на смертный бой.
- И вы, месье Жерве, против меня?
- О, не падайте духом! У вас прекрасный тенор, гибкий стан и карие глаза. Поверьте, за вашей колесницей охотно побегут в неволю слабые девичьи сердца.
- Будем же считать приговор нашего Одиссея приговором фатума, а так как мы в ките-лях, а прохлада дает себя знать, то пойдем к чаю. К тому же, господа, я покидаю сегодня госте-приимную Гурьевку.
- Это неожиданное решение? – спросил Можайский.
- Известие пьяницы О’Донована подтвердилось. Меня призывают в Петербург на совеща-ние о положении наших закаспийских дел.
- Выйдя из парка на дорогу, в конце которой виднелась усадьба, вся группа остановилась в недоумении: у подъезда главного дома остановилась карета, и князь Артамон Никитич горячо обнимает дочь. Неподалеку стоял мистер Холлидей.
- Ну да, я не ошибаюсь, они едут к венцу, – высказал свое соображение Жерве. – На ней фата и белые цветы...
- К венцу? – вскрикнул Узелков. – К венцу! Не бывать этому...

– А вы, поручик, не извольте безумствовать, – остановил его Михаил Дмитриевич строгим голосом. – Если вы намерены стреляться из-за каждой девчонки, то в мой отряд вы не годитесь.

Узелков остановился.

– Назначаю вас временным при мне адъютантом и начальником походной при мне канцелярии. Через час – в дорогу!

«Не повиноваться? Да разве это возможно?»

Притом же карета уже мчалась в галоп по направлению к селу и к церкви, построенной на средства князей Гурьевых.

– Развести пары и ожидать отсюда двух пассажиров! – командовал в то же время Радункин в рупор с площадки на пристань. – Высадка в Рыбинске... бесплатно... даме оказывать почтение как мне самому.

– Кого вы снаряжаете с такую роскошью? – спросил выходя на площадку Михаил Дмитриевич. – Пароход с двумя пассажирами и бесплатно – ведь это для вас разорение!

– Это не разорение-с, а вот насчет чувств и души, так... действительно... один погром.

– Да объясните толком, что здесь делается? Княжна умчалась с мореплавателем, вы снаряжаете экстренный пароход.

– И при этом для кого? Для заклятого врага!

– Бросьте загадки.

– Для этого рыжего хищника, что теперь венчается с княжной. После венца они отправятся в Англию. Ему, разумеется, приятно показать там своим родственникам... такую, можно сказать... царицу Волги. Эх, Михаил Дмитриевич, не помогли вы мне тогда, загубили мое счастье!

Радункин всхлипнул.

– А у вас не хватило даже умения свернуть голову молодой девушке, стыдитесь!

– Здесь не без обхода.

– Обхода? А вы зачем не обошли?

– Колдовством не занимаемся.

– Воображаю огорчение князя! В дочери он не чаял души и теперь лишается ее при такой грустной обстановке. Ну и премерзкий же народ эти девчонки! Одной приходит желание отмаливать никому не ведомые грехи, другой вздумалось бежать с этой... как вы сказали, рыжей верстой.

– Вы, кажется, невысокого мнения о женщинах?

– Я не питаю к ним ненависти, но и не ставлю их на пьедестал. Я не обращал их ботинки в бокалы и, разумеется, не буду собирать коллекции их корсетов. Я солдат – и только!

В это время между князем и Можайским происходило в библиотеке объяснение теплое, сердечного характера.

– Браните, сердитесь, – говорил Артамон Никитич, – признаюсь, я заслужил справедливую укоризну.

– За что?

– Я, по старости, не усмотрел за сердцем моей Ирины. Она не только моя гордость, она гордость нашей родины. Но, Борис Сергеевич, вы человек с чуткой душой, вы не осудите старика, вы поймете, мог ли я по своим убеждениям встать между нею и ее избранником?

Нередко природа отказывает человеку в каком-нибудь одном из своих многочисленных даров, так она отказала Можайскому в даре утешения. Он не понимал утешений извне и, в свою очередь, не умел утешать людские скорби. Может быть, и он так же глубоко чувствовал потерю Ирины... хотя бы только для отечества... но ничего другого он не мог придумать, как предложить князю бросить сейчас же Гурьевку и уехать в Крым.

– По роскоши морского вида и живописности горных утесов моя дача не уступит красивейшим виллам Ривьеры, – пустился он в объяснение с целью отвлечь старика от душевного гнета. – Ваши кабинет и библиотека обвиты воздушными растениями, а любимых вами писателей мы отправим отсюда хотя целым вагоном. Комнаты, предназначавшиеся для Марфы Артамоновны, будут также в вашем распоряжении. Я хотел было срубить кипарисы перед их окнами, а теперь думаю оставить... решайтесь же, решайтесь. Я прикажу Силе Саввичу изготовить вас в дорогу сегодня же, хорошо? А сам я уеду на некоторое время за границу, – продолжал Борис Сергеевич. – Если Михаил Дмитриевич вызовет меня в поход, не откажусь изведать впечатления войны... но оставаться в Крыму я не могу. Не скрою, мне там будет тяжело; каждый камень, каждый куст будут напоминать о несбывшихся мечтах...

– Хорошо, я решил, – объявил Артамон Никитич с тяжелым вздохом. – Знаю, что вы не потяготитесь мной, да, пожалуй, я и не задержусь на этом свете. Разумеется, мы встретим и проводим Ирину как джентльмены... и тотчас же оставим Гурьевку. Друг мой, распорядитесь.

Из глубокого уважения к хозяину дома все временное население усадьбы собралось к подъезду. Михаил Дмитриевич надел даже эполеты, Жерве облекся во фрак чуть ли не времен Жиронды. Узелков добыл свежие перчатки, но все еще был далек от душевного равновесия. Он что-то бормотал.

– Боюсь, что он испортит всю картину, – заметил Можайский Михаилу Дмитриевичу. – Глаза его горят ненормальным блеском.

– Поручик Узелков!

– Что прикажете, ваше превосходительство?

– Если вы не сумеете скрыть свою ревность, то вы мне не товарищ. План похода в Индию, поверьте, я составлю и без вашей помощи.

– Мне бы хотелось сказать...

– Не более двух-трех слов! Поздравляю и будьте счастливы! Предоставляю вашему благородию выбор между оскорбленным чувством сердца и походом в страну Теке... а может быть, и далее под мою команду.

Шутливое настроение Михаила Дмитриевича действовало на всех освежающим образом. Даже Радункин заговорил, что он, будучи владельцем нескольких пароходов и рыбного промысла, охотно поступит вольноопределяющимся по дороге в Индию.

Но вот возвратились и молодые. Подали шампанское.

– Поздравляю и будьте счастливы! – произнес дрогнувшим голосом Узелков, чокаясь с новобрачной. – А вам желаю... – продолжал он, обратившись к мистеру Холлидею.

– Встретить нас, – перебил Михаил Дмитриевич, – на вершинах Гиндукуша, а еще лучше – на берегах священного Ганга с хлебом-солью, как мы встречаем вас здесь.

Узелков хотел еще что-то сказать.

– Поручик, вы сказали все, что следовало, а теперь вполоборота направо... и сейчас же в дорогу.

Можайский поцеловал руку новобрачной, а мужа ее приветствовал сухим поклоном.

– Всякого вам успеха в жизни! – пожелал, со своей стороны, Радункин. – О переезде не заботьтесь, я уже дал знать моим агентам. Эх, Ирина Артамоновна! – заключил он и, махнув рукой, отошел в сторону.

Вскоре «Кронид Радункин», расцветившись флагами и салютуя для чего-то из пушки, двинулся вверх по Волге. На мостике его все время, пока была видна усадьба, оставалась одинокая княжна – теперь уже миссис Холлидей.

К вечеру усадьба опустела. Проводив князя и его гостей, Сила Саввич сделался полновластным хозяином всей Гурьевки. Без счета и без дальних разговоров все имущество было брошено на его бережение.

– Смотри за библиотекой, – вот и весь наказ, какой он получил от князя.

– Да не пускай никого в девичьи комнаты, – прибавил от себя Борис Сергеевич.
О тяжелых сундуках со старинным гурьевским серебром никто и не вспомнил.

Сила Саввич собственноручно спустил флаг с древка и вышел на площадку отдохнуть от дневной суматохи. К нему поднялся с пристани и Антип. Два старых ворона промолчали весь вечер и, только расходясь на ночевку, объяснились краткими речениями.

– Распалась Гурьевка, – объявил Сила Саввич.

– А может, еще соберется, – загадал Бесчувственный. – То ли на свете бывает!

IX

Проводив Артамона Никитича в Крым, Можайский оставался не более недели под тенью своих кипарисов. Все прелести дачи скорее терзали, нежели веселили его измученный дух. Каждый угол в ней был намечен с расчетом на тихое семейное счастье. Перед отъездом он получил письмо от Михаила Дмитриевича с приглашением не уезжать за границу или только уехать на короткое время.

«Ваша служба скоро понадобится царю, – писал Михаил Дмитриевич. – Судя по словам поручика Узелкова, быстро излечившегося от страстной любви к княжне Ирине, вы продолжаете изводить себя грустными мыслями – и о чем? О потерянном блаженстве? Не одобряю и не одобряю как человек, дающий всякому фиалу любви должную оценку. Но если вам непременно понадобится в подруги жизни барышня с удивительнейшими душевными свойствами, то сделайте милость, пожалуйте сюда ко мне. По своему обширному знакомству я могу ввести вас в целую плеяду милых шелкопрядов.

Вы бежите со своими мечтами за границу? Вот на этом я ловлю вас. Будете ли в Англии? В книжных магазинах Петербурга нет порядочного описания похода из Индии в Кабул, а я интересуюсь знать, чем кормил сэр Робертсон своих верблюдов, а если не кормил, то на которые сутки они околевали? Хорошо бы достать описание индийского верблюда, рисунки его седла и т. д. Постарайтесь просветить меня насчет верблюдов и будьте уверены, что я сквитуюсь: я влюблю в вас заочно барышню с жемчужными зубками, алыми губками и проч. Торопитесь в отечество, будет дело».

Объехав морем Европу, Можайский остановился в Лондоне. Отсюда он предполагал начать свое путешествие по галереям и музеям и вообще по миру художественных впечатлений.

Пробегая газету, он остановился на фамилии известного антагониста России – Арминия Уомбери.

«Знаменитый венгерский академик и исследователь Средней Азии, – говорилось в объявлении, – Арминий Уомбери прочтет лекцию о положении России в стране воинственных туркмен Теке. Лекция, полная интереса, будет сопровождаться туманными картинками».

Лекция была назначена в салоне того же отеля, в котором остановился Можайский, что дало ему возможность гарантировать себе место у самой кафедры. К назначенному часу аудитория наполнилась джентльменами и леди, в которых нетрудно было признать собрание репортеров и стенографисток. Появление знаменитого руссоведа было встречено аплодисментами, направо и налево раздавали его карточки в костюме дервиша. Его сопровождал О’Донован.

Лектор начал громить Россию с первого же слова.

– Леди и джентльмены! Ровно тридцать лет тому назад я умолял британского льва преградить дорогу русскому медведю в его нашествии на Среднюю Азию. Увы! Мой голос остался академическим воплем. Тогда я только что возвратился из своего путешествия по странам Дальнего Востока, но меня не слушали и даже не верили, что в отрепьях дервиша я прошел недоступные европейцам Туркмению, Хиву, Бухару и соседние с ними ханства. Бросьте, прошу вас, леди и джентльмены, мысленные взоры на пройденный мною путь. Из Персии я двинулся

вдоль восточного берега Каспийского моря и оттуда шаг за шагом прошел земли туркмен, иомудов, чодоров, каракалпаков и таджиков. Я читал Коран на могиле Тимура. Я был у подножия башни, с которой низвергают преступников. Я целовал знаменитый кокташ в дворцовой мечети Самарканда.

– Сэр, – раздался из публики сильный грудной голос иностранца. – Вы не были в Самарканде и писали о нем только понаслышке и то с грубыми ошибками...

Лектор смешался и прибегнул к стакану сахарной воды.

– Мне кажется, что я слышу голос из Москвы? – спросил он не без намерения подорвать авторитет оппонента.

– Да, я русский.

– После лекции я готов объяснить с вами.

– К вашим услугам, сэр, а теперь я только повторяю, что половина вашего путешествия по Средней Азии написана вами по слухам.

Можайский положил свою карточку на кафедру.

– Я предупреждал Англию, что быстрому распространению казачьей нагайки на равнинах и вершинах Азии следует положить предел, – продолжал лектор. – Меня не слушали. Теперь на берегах Оксуса и Яксарта русская казачка полощет белье. На могиле Тимура русский денщик баюкает офицерского ребенка. На площади Регистана, куда стекалась на молитву вся Средняя Азия, продают русский квас. В ворота дворца бухарского эмира ротная повозка въезжает так же спокойно, как и во двор своей казармы. Все пало под казачьим натиском: нет больше таджиков, узбеков, каракалпаков, каракиргизов! Все это не более как мещане русского царства. Как я предвидел, так и случилось. Знаете ли, куда теперь стремятся алчные взоры России? Она мечет свои громы на вольных сынов Туркмении, а потом перейдет в Мерв, Герат, Кабул, на Памир, к Персидскому заливу, на вершины Гиндукуша и на берега священного Ганга. Кто же должен остановить эту стремительную бурю, кто, я спрашиваю? К счастью, не все племена земного шара так слепы, как конторщики вашего Сити. Слышали ли вы что-нибудь о племени теке? Горсть этих героев...

Арминий Уомбери остановился на минуту и обвел торжествующим взглядом всю аудиторию. Взгляд его упорно остановился на Можайском.

– Я говорю, горсть этих героев разбила в прошлом году русский отряд.

Радостные восклицания огласили всю громадную залу. Репортеры ловили каждый звук лектора.

– Отряд потерял многие сотни людей убитыми и ранеными, артиллерийский парк, массу берданок и патронов, а главное, уронил в глазах азиатов славу непобедимости. Теперь со стороны России идут приготовления к возмездию, и я не ошибусь, заметив, что возмездие примет величину и силу стихийного удара. Батальоны за батальонами перебрасываются уже через Каспий, и для Англии наступает священная обязанность оказать помощь свободному, храброму, но бедному племени теке. Дайте ему ружья, пушки, порох и инструкторов. Пошлите ему своих агентов и даже заявите *casus belli*. Верьте Арминию Уомбери и помните, что сибирская казачка может прийти к вам в Индию доить священную корову на площади Мадраса... Об этом вопросе до следующей лекции, – заключил Уомбери, – а теперь прошу взглянуть на картины русского движения в Средней Азии.

Кафедра была отодвинута, и для вразумление публики появились картины волшебного фонаря. Более страшных казаков не могла изобразить самая чудовищная фантазия. Какие-то мифические существа скакали, кололи, рубили и зверски тешились над толпами безоружных. Каждая картина имела подходящие подписи: «Бой под Ташкентом», «Осада Самарканда», «Штурм Андижана».

Лекция окончилась, леди и джентльмены торопились в свои редакционные кабинеты, а лектор, которого Можайский ждал для объяснений, поспешил исчезнуть.

Можайский остановил О'Донована.

– Мистер О'Донован, если ваш друг Уомбери нуждается в объяснениях...

– Не здесь, уважаемый сэръ, не здесь, – заторопился О'Донован. – И даже не удобнее ли предпочесть этому объяснению бутылку шерри?

На следующей лекции Уомбери обещал посвятить общественное мнение Англии в подробности завоевательных намерений России. Чтобы подготовить умы слушателей, в салоне была поставлена панорама, изображавшая движение России со стороны Сибири и Каспия к берегам священного Ганга. Армия за армией двигалась к Гиндукушу. Перед ущельями этого хребта мирно дремали стражи в виде британских львов. Народы Азии в ужасе бежали перед стеной окровавленных пик. Персияне бросались в Персидский залив, афганцы зывали к помощи британского льва, а хивинцы, бухарцы и туркмены корчились в предсмертной агонии под копытами несметной конницы...

– Достопочтенные леди и джентльмены, – раздавался с кафедры голос лектора. – Я полагал ограничиться сообщением о предстоящем движении русских отрядов к Герату, но события идут так быстро, что я могу не поделиться с вами новостью чрезвычайной важности. Бывший афганский эмир Абдурахман-хан бежал после потери своего престола в азиатские пределы России. В Ташкенте он был принят с обычным гостеприимством, коварно направленным против Англии. В распоряжение этого павшего властелина были предоставлены дворцы, сады, гаремы...

– Даже и гаремы? – послышался вопрос Можайского.

– Опять я слышу голос из Москвы.

– Продолжайте, сэръ, не стесняйтесь!

– При всей бедности русской казны, ему отпустили сто тысяч фунтов стерлингов.

– Две тысячи только, две тысячи, сэръ!

Поправки не смущали Уомбери.

– При этой помощи он постоянно мучил население Афганистана и добился низвержения своего преемника. Пост эмира сделался вакантным. Вот телеграмма, в которой сообщают, что, пользуясь оплошностью приставников, он бежал из русских пределов. «Он пренебрег русским гостеприимством, – плачет слезами крокодила туркестанский генерал-губернатор. – Он бежал потаенно, ночью и с такой поспешностью, что посланная за ним погоня мчалась бесплодно до самых границ Червалаета». В этом поистине картинном описании черной неблагодарности русский генерал забыл лишь упомянуть о том, что беглец нашел за воротами Самарканда несколько арб с оружием, неизвестно кому принадлежавшим. Неблагодарный, он не только бежал потаенно, ночью... но и прихватил с собой эту ценную находку. Теперь, достопочтенные леди и джентльмены, постараемся сосредоточить все внимание на грядущих событиях. Русские войска в Азии вооружены с ног до головы. Они ожидают только приказа, чтобы двинуться в Индию. Им не страшны пески и горы...

«Спасибо на добром слове», – подумал Можайский.

– Операционным базисом они избрали Каспийское море. Отсюда они будут грозить потомкам всемирных завоевателей – Александра Македонского, Кира Персидского, Навуходносора Вавилонского, Тимура Джатайского – и шаг за шагом...

Лектор пригласил взглянуть на панораму. Там неумолимо двигались корпуса и батареи со всеми ужасами грозного военного нашествия.

– И шаг за шагом они пройдут пустыни, сметая за собою эмиров и ханов и всасывая в себя попутные народности. Первая остановка намечена ими в Текинском оазисе, у стен Геок-Тепе, но судьба этой крепости решена: она падет под жерлами ста орудий. Затем последует неустанно движение вперед: левое крыло соединится с Абдурахманом, а правое пересечет Персию у Люфтабада. По этому направлению русская армия быстро подступит к Герату и, если вы не пошлете туда оружие, дни Герата сочтены. Россия предоставит Герат своему союзнику

и тем обеспечит свой тыл. Здесь она установит второй операционный базис. Здесь ее армия укомплектуется, пополнит запасы и разошлет прокламации к народам Индии.

«В завтрашних газетах прольется на Россию целый поток заказной брани! – подумал Можайский. – Пожалуй, просвещенные мореплаватели не удовольствуются карандашами и перьями и присочинят митинг и петицию в парламент!»

– Дорого обойдется Англии ее равнодушие перед этим перемещением центров исторической тяжести! – продолжал взывать с кафедры Уомбери. – В истории нетрудно указать на ошибки народов и правителей – ничтожные, но имевшие впоследствии неотразимое влияние на их судьбы. Таковой будет ошибка Англии, если она не поставит преграду движению России в страну Теке, а преграду поставить так легко! Племя теке готовится к стихийному отпору, но оно бедно оружием и бедно познаниями в ухищрениях культурной войны. Дайте ему средства сопротивления и поверьте, вы получите на затраченный капитал хороший процент.

«Вот этот процент мне очень нравится», – подумал Можайский.

– Если всего, что я сказал, мало, то я заявляю, что Россия решила строить железную дорогу от Каспийского моря по направлению к Герату! Вся Каспийская флотилия работает уже над перевозкой рельсов, шпал и вагонов, и, поверьте, мы увидим, как русский машинист подойдет к Гиндукушу, хотя Гиндукуш и не желает идти ему навстречу.

– Сэр, я умоляю вас, скажите, действительно ли вы строите железную дорогу к Герату? – обратился к Можайскому вынырнувший из толпы О’Донован.

– А почему бы и не строить? Не сомневаюсь, что и вы предпочитаете кресло в вагоне седлу на верблюжьей спине.

– О, вы правы, но вы рискуете завоевать пустыню, усеянную развалинами чуть ли не со времени нашествия Чингисхана и его полчищ. Теперь этот край населен одними ящерицами и скорпионами. Не далее прошлого года я умирал там от зноя и жажды.

– Особенно, я думаю, от жажды. Но к чему же в таком случае ваш друг тратит столько красноречия, призывая на наши головы небесные громы?

– Ах, все это очень просто. Биконсфилд и Гладстон вступили в серьезный бокс, и если первому не удастся возбудить против вас общественное мнение Англии, то Гладстон даст его кабинету отличного пинка.

– Благодарю за откровенность и в свою очередь не стану перед вами скрывать: поход в Теке действительно решен, и я немедленно отправляюсь, чтобы принять в нем участие. До свидания!

– Ради бога, сэр, на одну минутку! Кто назначен начальником армии?

– Генерал, которого вы преследовали еще на Балканах своими корреспонденциями. В последний раз вы видели его у князя Гурьева, на Волге.

– Прощайте, сэр, по всей вероятности, я опережу вас, и, если вы ничего не имеете, то... мы дружески осушим на берегу Каспия бутылочку шерри.

Можайский, нисколько не интересуясь бутылочкой шерри, направился к выходу, а Уомбери оканчивал в это время свой доклад о завоевательных намерениях России.

– Сейчас в этой зале, – гремел его голос, – получена телеграмма о том, что начальство над армией, которой приказано разгромить теке, поручено генералу среднеазиатской школы, умеющему сживаться с историческим роком. Леди и джентльмены! Знаете ли вы, что Россия воспитывает для Азии специальных генералов: они всегда подчиняются историческому року, но с тем чтобы и исторический рок подчинялся им, в свою очередь. Рука об руку они идут вперед, и мне остается воскликнуть: *caveant consules!*¹

¹ Пусть консулы (*лат.*). – Начало фразы «Пусть консулы будут бдительны, чтобы республика не понесла какого-либо урона».

Х

Говоря о влиянии исторического рока на движение России в глубь Азии, Уомбери был недалек от истины. Этот рок то пробуждался, то вновь погружался в дрему на целые столетия. Первый толчок ему был дан, разумеется, Петром Великим, при котором Россия вступила впервые в сношение с народами Арало-Каспийской площади. Некий туркмен Нефес объявил Петру за великую тайну, что «река Амударья богата золотым песком». К сожалению, кабардинский князь Бекович-Черкасский, начав блистательно порученную ему Петром экспедицию, окончил ее трагически. Пройдя победоносно от Каспия к Хиве, он поплатился за свое доверие к Азии головой и гибелью всего отряда. Минареты Хивы были осыпаны пятью тысячами изменнически отрубленных голов.

После этой неудачи исторический рок надолго задремал и, пробудившись на короткое время при Ермолове, снова погрузился в тяжелые сновидения. Несколько лихорадочно снаряженных в последние годы экспедиций ни к чему не привели. Наконец рок обиделся и решил стать за Каспием твердой ногой, бесповоротно.

Каспий ожил.

Было раннее утро, когда в одной из бухточек неподалеку от персидского берега грузилась туркменская лодка, немало послужившая на своем веку разбойничьему делу. На ней грабили и персидские берега, и астраханских ловцов, но то время прошло. Теперь она служила для доставки из Персии русским гарнизонам в Ашур-Аде, Чекишляре и Красноводске разных дешевых товаров – горьковатых лимонов, шепталы, рыбы...

На этот раз она приняла – что было на этом берегу совершенно необыкновенным явлением – двух пассажиров, европейца и его слугу. Европейец выдавал свое происхождение рыжей шевелюрой, фляжкой и биноклем, а слуга был, по всей видимости, тем международным человеком, которыми так богаты наши азиатские окраины. Разумеется, его звали Якубкой.

Якубка не знал своих родителей да и не интересовался ими, справедливо полагая, что не всякому человеку дано знать своих предков. По временам он верил в христианского Бога, по временам в Аллаха, но большей частью созерцал природу, не задаваясь мыслями о ее Творце. Его воспоминания о прожитом начинались с того счастливого дня, когда ему подарили пол-абаза за подметание сора на кухне одного из тифлисских генералов.

Выучившись кое-как русской грамоте, он перешел в выездные лакеи сначала к персидскому, а потом к английскому консулу. Украсившись патронташем и серебряным поясом с длинным кинжалом, Якубка переименовался в Якуба и гордо воссел на козлы консульской кареты. Впрочем, он не раз побывал в Тегеране, отвозя туда зашифрованные записочки от консула и не гнушаясь возвращаться обратно с вьюками контрабандного табака.

Но нельзя же сидеть всю жизнь на козлах кареты, особенно при навыке и способности вести политические дела! Придя к такому заключению, Якуб принял на себя временно, пока улыбнется счастье, обязанности переводчика при англичанине, отправлявшемся из Астрабада в Туркменскую степь.

Звание драгомана не избавляло его от обязанности и низшего положения, поэтому он достал из багажа гуттаперчевый матрас и, надув его воздухом, устроил своему патрону в лодке уютный уголок между кипами сухой травы.

Лодкой управляли два туркмена довольно свирепого вида, несомненно, выкрадывавшие в молодости казачек с Эмбы и Урала, а теперь состоявшие на счету мирных обывателей закаспийского побережья.

Паруса были подняты. Легкий южный ветерок гнал лодку к Ашур-Аде. Хозяева ее, усевшись степенно за кальяном, искусно приготовленным из горластой тыквы, почтили Якуба приглашением занять возле них место на обрывке заслуженного войлока.

Впереди предстоял целый день плавного хода с волны на волну, причем ни паруса, ни руль не требовали никакой заботы. Жизнь требовала развлечения, а что же может сравниться в таком случае с хорошей сказкой?

– По всему видно, что ты ученый человек, – обратился к Якубу наиболее свирепый туркмен, – поэтому ты должен знать все хорошие сказки.

– Инглези же твой напился арака и спит как убитый, – пояснил туркмен менее свирепого вида. – Куда ты везешь его, к русским?

– Мы высадимся на Серебряном бугре.

– Следовательно, инглези прячется от русских?

– Не будем говорить о вещах, к которым мы не привязаны. Если же вы хотите слышать хорошую сказку, то я расскажу вам такую, что рыба заслушается в море.

Предвкушая удовольствие выслушать занимательную сказку, туркмены поправили снасти и подкрепили свои силы кусочками вяленой конины и холодным чаем.

– Шайтана знают все простые люди, – начал повествовать Якуб, – но ученые знают кроме шайтана и многое другое! Они знают, что в старое время жили на свете три дива: Акван, Аржанг и Сафид...

– У нас дивов никогда не было, – перебил рассказчика один из туркмен. – Дивы водятся только у поганных шиитов, у персиян.

– У кого нет охоты слушать, у того всегда найдется клочок ваты, чтоб заткнуть себе уши, – заметил наставительно Якуб. – Хотя персияне и шииты, но их сказки слушают цари всего мира.

Сынам песчаной пустыни сказка представлялась умственным лакомством, и что за беда, если она напоминала поганных шиитов! За хорошую сказку богатые люди отпускают раба на свободу, поэтому оба туркмена дали слово не перебивать рассказчика.

– Всевышний создал огонь ранее человека, – продолжал Якуб, – но, создав огонь, Аллах не хотел дать ему место на земле. Он знал, почему так нужно; неразумный же человек то и дело просил дать ему огня.

– Но без огня нельзя испечь и лепешки, как же быть?

– А между тем послушайте, что из этого вышло. Как только огонь вспыхнул, тотчас же образовались из дыма воздушные ангелы, которые расправили крылья и улетели на небо. Из пламени же выскочили дивы – существа страшные и злые. Старые люди видели их своими глазами: во рту у них клыки, а вместо ногтей железные крючья. Много они натворили бед на земле!

– А чем они питались?

– Желудок их не переваривал старого мяса, поэтому они пожирали одних молодых ягнят. Но молодых ягнят они истребили столько, что пастухи пришли к царю и сказали: «Дай нам сильного батыря, чтобы он побил дивов, а то у нас не останется ни одного ягненка». Тогда царь приказал Рустаму явиться к нему на службу и побить всех дивов. Рустам встретил прежде всех Аквана и бросил ему на шею аркан. Акван увернулся. Рустам бросил второй раз и тоже не зацепил, а потом от усталости уснул. Он уснул на высокой горе, которую Акван взял в руки и бросил со всего размаха в море. Но Аллах любил Рустама и, когда он летел, подставил ему остров с мягкой травой...

– Должно быть, Ашур-Аде? – пылливо спросил туркмен менее свирепого вида.

– Это все равно, – продолжал Якуб, – может, Ашур, а может, и другой остров. Во всяком случае, див очень рассердился и изо всех сил напал на Рустама, но у этого уже была готова мертвая петля в руках – и конец пришел Аквану. Труп его и теперь лежит на морском дне и много уже веков им питаются водяные скорпионы. Пока шла борьба с Акваном, его братья Аржанг и Сафид взяли в плен все войско царя. Царь опять приказал Рустаму явиться к нему на службу и убить Аржанга и Сафида. При встрече с Рустамом дивы побоялись подпустить его к себе, и Аржанг забросал его мельничными раскаленными жерновами, а Сафид поднял

его в вихре на воздух. Но ничто не помогло. Отрубив им головы, Рустам отдал их шакалам. С той поры пастухам полегчало. Ягнята перестали исчезать, а бараны расплодились целыми тысячами.

– Хотя Рустам был и поганим шиитом, а все-таки ему спасибо, – заметил один из благодарных слушателей. – Без его помощи бараны извелись бы во всей Туркмении.

В течение дня Якуб успел рассказать много из старого времени и из преданий, хранимых учеными людьми. Он рассказал о птице Симурге, о водяной лошади и о бирюзе пророка Сулеймана. Ему не удалось только довести до конца историю богатыря Хотана, отправившегося на поиски волшебного кольца, – не удалось потому, что на горизонте показался дымок военного крейсера.

– Будет обыскивать, этот всегда обыскивает, – объявил старший туркмен. – Под предлогом, что ему нужна рыба, он смотрит, не собираемся ли мы на аломан.

Якуб засуетился. Бросив богатыря Хотана на произвол судьбы, он принялся будить своего патрона и растолковывать ему, что навстречу идет пароход, который может сделать им большую неприятность. Притом же и Серебряный бугор был неподалеку.

Смеркалось, когда из лодки, приткнувшейся к пологому побережью, выскочили два пассажира с поспешностью, обличавшей их старание скрыться от настигавшей опасности. Но пароход прошел мимо Серебряного бугра, несколько не поинтересовавшись странными, загадочными личностями, выбиравшимися из воды на бесприютный песчаный берег.

XI

Серебряный бугор, с вершины которого виднеется далеко южный берег Каспия, служил тогда сборным местом для туркмен, когда они готовились напасть на соседние персидские селения, и для персидского сброда, когда он собирался грабить туркменские стада. Такое международное значение этого пункта всегда привлекало к нему людей достаточно смелых для нападения и достаточно сильных для отпора. Появление лодки было давно уже замечено с вершины бугра дозорным, в котором, однако, никто не признал бы искателя степных приключений. Правда, этот молодой и красивый туркмен был одет, как и все его сородичи, в длинный халат, но по манере запахиванья халата, по кушаку и по фасону высокой бараньей шапки легко было признать в нем человека белой кости. То был Ах-Верды, сын известного в степи Эвез-Мурада-Тыкма. За песчаным барханом на коврике отдыхал или, скорее, думал тяжелую думу его отец, а подальше видна была группа наездников, державших в поводу коней.

Много родила туркменская степь истинных батырей, но Эвез-Мурад-Тыкма превышал каждого из них целой головой. От предков, оканчивавших почетно жизнь свою в набегах, он получил крепкое физическое строение и своего рода наследственное право на звание сардара во всех опасных аломанах.

На двенадцатом году жизни колено Сычмаз признало его уже «владеющим саблей». На пятнадцатом году он томился военнопленным у персидского ильхани, и настолько важным, что родовое колено продало каждого пятого верблюда, чтобы внести за него выкуп в тысячу туманов; скоро он возвратил свой долг с процентами. Десятки лет он провел таким образом в стычках с шиитами и в поисках славы и добычи. Перед ним пала не одна сотня голов...

Теперь его характерный высокий лоб волновался целой грядкой морщин, очевидно, в умственной погоне за крупным предприятием. Но вот Ах-Верды почтительно нарушил уединение отца, сообщив ему, что инглези выходит на берег.

Эвез-Мурад-Тыкма степенно, не торопясь, пошел на встречу инглези и поздоровался с ним по всем правилам восточного этикета.

Якуб служил переводчиком.

– Королева инглези поручила своему старшему полковнику О’Доновану передать ее поклон знаменитому Эвез-Мураду-Тыкма.

Эвез-Мурад приложил по-офицерски руку к бараньей шапке и сделал вид, что, преисполнившись удовольствия, протирает глаза и гладит бороду.

– Эвез-Мурад-Тыкма явился поддержать стремя полковнику королевы инглези, – переведил Якуб ответную речь.

– Ради священной бороды Магомета, ради посланников Божиих, имеющих множество крыльев, прошу тебя, говори одну правду и только одну правду, – взмолился Эвез-Мурад, хорошо понимавший значение и легкомыслие толмачей. – Дела нашего народа очень тяжелы, а кому Аллах пошлет лихорадку, тому не вешай на шею мельничный жернов.

Якуб ответил, что как мусульманин он понимает это дело хорошо и не станет лгать перед таким высоким избранником народа.

– Что сказал Эвез-Мурад? – спросил О’Донован.

– Он благодарит за то, что я доставил вас в целости, и просит вас доложить об этом королеве инглези.

– Якуб, помни, ты должен переводить, как переводил бы родному отцу, – заметил О’Донован. – Ведь вы, восточные толмачи, – лгуны по преимуществу.

Якуб ответил не без гордости, что и между восточными толмачами есть люди светлее горного хрусталя.

– Что говорит благородный полковник? – спросил Эвез-Мурад.

– Он слышал еще в колыбели завет своих родителей: быть другом текинского народа.

Пока происходили эти дипломатические объяснения, группа туркмен изготовилась в дорогу и, оседлав коней, добыла оружие, которое было спрятано на всякий случай под потниками в песке. Выбрав из него богато обделанную золотом и бирюзой шашку, Ах-Верды поднес ее отцу.

– Народ теке просит храброго полковника принять этот подарок вместо печати к договору о большой дружбе, – переведил Якуб О’Доновану. – Лезвие этого клынка висело у бедра великого Тимура. Враги текинского народа горько заплачут перед этим острием, – продолжал переводить Якуб, обращаясь к Эвез-Мураду. – Сардар всего теке просит полковника пожаловать к нему в аул. Только там он может принять его с должной честью... А полковник говорит, что отныне королева инглези и сардар теке все одно что брат и сестра.

Подвели коней. О’Доновану предложили аргамака под богато расшитым чепраком. Но никакая роскошь чепрака, седла и уздечки не могли бы умалить природной роскоши самого коня. Достоинно продолжая род своих арабских предков, текинский скакун напоминает во время бега стрелу, пущенную в пространство сильною тетивой. Тонкий корпус при небольшой голове и длинной шее рассекает воздух без всякого напряжения; длинные, сухие ноги его едва касаются земли. Разумеется, он воспитывается не в табуне, а в кибитке хозяина и притом с заботой, на какую не смеет рассчитывать и любимое дитя последнего.

Степь, озаренная мириадами звезд, огласилась чуть слышным топотом копыт. Оружие бряцало сдержанно, всадники же хранили строгое молчание, хорошо памятуя, что русские этапы, уходившие от моря в даль страны по течению Атрека, зорко сторожили дорогу. Путникам встречались аулы иомудов, по-видимому спокойно и равнодушно относившихся к вопросам политики.

В то время не существовало определенной границы между Персией и оазисом Теке. Не существовало, понятно, и политических договоров, поэтому всякий пограничный спор переходил на решение острого клынка и смелого набега. Впрочем, горные вершины Копетдага служили своего рода указателями, где и кому приобретать славу и добычу. Нападения одиночек – калтоманы – не пользующиеся народным уважением и нападения благоустроенной силой – аломаны – шли по путям вековых преданий. Персияне добывали на северной стороне Копет-

дага лошадей, баранов, рабочую силу и изредка славу, а теке вознаграждали свои потери, увозя с южной стороны хлеб, шелковые изделия, серебряные краны и невольниц. Вопреки религиозному верованию своему, они не брезгали и золотыми туманами, несмотря на то что шииты изображают на них живых существ: шаха на одной стороне и льва на другой. О славе они не заботились.

К счастью для Персии, туркменские племена всегда находились во взаимной розни: иомуды не любили сарыков, сарыки – салоров, а салоры – чодоров. Отамышцы воевали нередко с тохтамьшцами, а атабаи с джафарбаями. Из всех же туркменских таифе и таире Ахал-Теке выделялось и числом кибиток, и грозой своих набегов.

Эвез-Мурад-Тыкма и его спутники, пересекая землю иомудов, предпочитали следовать по ребрам горного кряжа с расчетом перебраться, смотря по обстоятельствам, на южную или северную его сторону. Только на третьи сутки неустанного пути они решили спуститься в долину, откуда шли уже дружественные кочевья. По мере движения вперед эскорт Эвез-Мурада-Тыкма увеличивался новыми всадниками, неожиданно появившимися из горных ущелий и песчаных барханов. Вскоре свита его выросла до ста человек, не стеснявшихся выставить напоказ длинные пики с крючками для захватывания неприятеля и знамя, состоявшее из высокого древка с лошадиным хвостом под молодой луною. От предгорья путь повернул в пески, изредка скрепленные кустами тамариска и саксаула.

Но вот и конец тяжелому испытанию – тяжелому, впрочем, для европейца, а не для теке, привыкшего спорить с ветром в степи. Родной аул Эвез-Мурада-Тыкма встретил его с подострастным восторгом: малый и старый явились поддержать его стремя, поднести ему чашку айрана и покрыть его коня попоной.

Аул величал своего знаменитого сородича громким титулом сардара, которым теке украшали своих предводителей только в войне или в аломанах. Но ему столько раз подносили это звание, что народ решил именовать его сардаром до конца его дней.

Теке и врагу не отказывают в гостеприимстве, а инглези, желанному гостю всей страны, было оказано широкое радушие. Ему предоставили кибитку из свежего войлока с толстым слоем ватных одеял, на которые он свалился как убитый.

Напротив, сардар, освежившись двумя чашками зеленого чая, отправился в свою канцелярию заниматься народными делами. Канцелярия его помещалась в отдельной кибитке и заключалась в двух сундучках, попавших сюда с нижегородской ярмарки. На одном из них восседал теперь мирза с тростниковым пером и баночкой разведенной туши. Сюда же ввели и толмача, который рассудил дорогой облагородить себя прибавкой маленькой частицы, обратившей его в Якуб-бая. При свете едва мерцавших жировиков произошла дружественная беседа, начатая вопросом сардара:

– Покоен ли был хребет вашего коня?

– Покойнее подушки, на которой я теперь сижу, – учтиво ответил Якуб-бай.

– Желаю, чтобы вы много лет здравствовали на его спине, – продолжал сардар. – Он будет счастлив носить вечно на себе такого знаменитого всадника.

Якуб-бай крепко прижал руки к животу и отвесил глубокий поклон.

– Пусть и ваше семейство вспомнит обо мне, когда я буду лежать в могиле на вершине горы, – сказал сардар, передавая Якуб-баю серебряное запястье.

– Сардар! – воскликнул чувствительно Якуб-бай. – Зачем вы говорите о смерти, когда мир и без того полон горестей?

– Теперь скажите мне, есть ли у вашего полковника письмо к текинскому народу от королевы инглези?

– Полковник ехал через Россию и никак не мог держать при себе бумагу с печатью королевы инглези.

– Но какая нам польза от одного полковника, который при том же пьет арак?

– Он пьет лекарство, в котором действительно... есть немножко арака. Без этого лекарства инглези не могут жить на свете. Письмо же пошло через Индию, откуда и доставят его сюда в ваши руки.

– Пришлет ли королева ружья и патроны?

– Не сомневайтесь, сардар, не сомневайтесь!

– А пушки?

– И пушки пришлет. Пушки она делает нарочно маленькие, чтобы можно было возить их между двумя верблюжьими горбами.

– Это очень хорошо.

Сардар и его гость разошлись на покой.

Власть сардара в степи была велика. Несмотря на это, в его недолгое отсутствие теке поаломанили без его согласия пограничное сельбище курдов. Аломан удался: на аркан попались несколько мужчин и молодая красивая девушка – дочь старшины из пограничного селения. Сардар, однако, остался недоволен своеволием родичей, устроивших набег в тревожное время. Утром другого дня пленных подвели к его юламейке, но он не вышел поздравить победителей. Тогда аул собрался в кружок и решил подарить ему пленницу. Ради смягчения его сердца к нему отправилась депутацию из библейских старцев.

– Я признаю, что нет выше народной власти, как власть текинского народа, – повел сардар строгую речь перед библейскими старцами, – и я повинуюсь ей в спокойное время, как повинется ребенок указательному пальцу родителя. Но когда нашей стране и нашим стадам угрожает опасность, сардар становится выше власти народа. Избрав меня сардаром, теке вручили мне власть на жизнь и смерть, а вы, мои родственники, во что ее обратили? В птичий пух! Я рассылаю гонцов по всему правоверному миру с уверениями крепкой дружбы теке, а вы следом за моими гонцами отправляетесь аломанить?

Библейские старцы слушали сардара с покорностью малых детей.

– Успокой, отец, свой справедливый гнев, – решился выговорить старейший из них. – Всею виною наша молодежь, но дальше Нухура мы не ходили.

– Вы бы еще в Хорасан забрались или вместо девчонки взяли бы в плен принца Рукн-уд-доуле.

– Отец, прости!

– Ради ваших седых бород – прощаю, но вы должны строго внушить молодежи, что наступают опасные времена, когда жизнь каждого из них нужна родному краю. Пусть непослушные будут готовы к смерти, иначе я брошу звание сардара и уйду в хадж, в Мекку.

– Отец, мы сохраним все твои слова, как хранит мать ребенка под сердцем, а теперь... Выйди к народу с светлым лицом и взгляни на пленницу. Ах как она хороша! От имени всех теке мы подносим тебе в подарок эту прелесть Ирана.

– Мне... старику... на что она?

– Отец, награди ею, кого ты сам признаешь достойным награды. Ты справедлив.

Сановито и медленно выступил сардар из кибитки, перед которой толпился весь его фамильный аул. Молодежь, чувствуя за собою вину, стояла поодаль за матронами, выдвинувшими вперед пленницу, только что переступившую годы подростка. Природа дала ей многое: богатые черные косы, агатовые зрачки с электрическими вспышками и своеобразную негу, способную возбудить вражду и ненависть между родственными аулами и племенами.

Сардар, взглянув на пленницу, загорелся... и потом старался уже избегать встречи с ее предательскими зрачками.

– Как ее имя? – спросил он самую корявую из матрон.

– Аиша.

– Кто ее взял в плен?

– Мумын, Мумын! – залопотала одна из старух.

В среде старух возникли разом пререкания:

– Врешь, твой хомяк может ли взять в плен такую красавицу?

– Сардар, все видели, как она была привязана к седлу моего Мумына! Да и разве он хомяк? Взгляни на его рубцы.

– Ну где твоему Мумыну владеть такой рабыней, пойди утри ему нос своим подолом!

– Молчать! – раздался грозный приказ сардара. – Вы забыли, что десять женщин составляют одну курицу.

– Это, сардар, не у нас, это у бухарцев, – заметила одна из суровых старух. – Мы, сардар, не персиянки, которые красят себе зубы, чтобы прельщать мужчин, мы текинцы. Ты долго жил вдали от нас и забыл, что текинская женщина плетет нагайку только для лошадиного зада, а не для своей спины.

– Не выбрать ли тебя в сардары? – спросил один из библейских старцев. – Большой страх нагнала бы ты на русских, такой красавицы они не видели.

Сардар, не давая разгореться перебранке, приказал увести Аишу в запасную кибитку и содержать ее без оков и бревна, обычно привязываемого на первое время к ноге пленника.

Аиша была дочерью курдского старшины, поэтому следовало опасаться, что порубежные сельбища предпримут немедленно ответный аломан. Текинцы не отступили бы, разумеется, перед курдами, но тут произошло особое обстоятельство, заставившее не только аул сардара, но и все пограничное население теке бросить оазис и уйти в пески.

На базарах Хорасана знали все, что делалось по обеим сторонам моря. От внимания этих политических клубов не могло укрыться и намерение России стать твердой ногой в Ахал-Теке. Народ хорасанской провинции возрадовался этим вестям, но правители Буджнурда и Кучана повесили головы. Новое соседство не обещало им никакой выгоды. Особенно заскучили ильхани Шуджа-уд-доуле и принц Рукн-уд-доуле, у которых оставалось на продажу всего по десятку невольников и то неважных, ценой в двадцать – тридцать туманов. После их распродажи чем и как пополнять губернаторскую казну?

Ильхани, предвидя это тяжелое положение, послал в Тегеран просьбу разрешить ему большой и, быть может, последний аломан. Просьба была с приложением двух девушек, мальчика, хорошей лошади и мешочка с бирюзой. Просьбу уважили.

«Разрешается вам, – было сказано в фирмане Сапех-саляр-азама, – утолить свою жажду в источниках Ахала».

Но что знали на базаре Хорасана, то знали и на северной стороне Копетдага. Доставить такой хабар, как сбор ильхани к аломану, значило получить в награду от сардара целый сарпай – всю одежду, от сапог до шапки.

Сардар, которому нужно было собрать все силы против русских, разослал тотчас же гонцов с приказанием приграничным с Персией аулам сняться и отступить в пески.

«Для ильхани достаточно будет, если он посмотрит на наш помет, – говорилось в его приказе. – Отложим поэтому дружеский разговор с ним до будущего времени».

ХП

Аулы потянулись на дальний север, куда не только курды, но и ильхани не осмеливались пускаться в погоню за теке. Первые два дня они шли с военными предосторожностями, даже молодежь не смела развлекаться погоней за появлявшимися в отдалении быстроногими джейранами. На ночь ставили ограду из вьюков и назначали дозорных, которые обязаны были, чтобы не поддаться сну, рассказывать друг другу страшные и занимательные сказки.

Только на третьи сутки ходу можно было считать себя в совершенной безопасности, тем более что аулы пододвинулись уже под защиту могилы знаменитого святого, аулиэ Джалута.

Прозванный голиафом при жизни, он и по смерти посылал из могилы благословение всем храбрым из рода теке.

Среди песков природа выбросила высокий глинистый холм, послуживший местом упокоения аулиэ. На вершине холма гордо возвышались древки с блестящими медными шарами. Они были обвиты разнообразными приношениями правоверных: тряпочками, обрывками ленточек и прядями хлопка. В подножии их лежала груда бараньих костей и пирамида из черепов с витиеватыми рогами.

Могила аулиэ Джалута пользуется почетом всех туркменских племен от Хорасана до Ургенча. Покойный совершил в своей жизни не менее сорока аломанов и до того опасных и прибыльных, что в каждом из них охотно участвовал бы известный герой шиитов Рустам. Впрочем, святость его проявляется и после его смерти. В дни грозящей теке опасности, из его могилы вылетают тяжелые кистени и опускаются с быстротой стрел в странах кяфиров или шиитов. Истребив там врагов, они возвращаются обратно и медленно уходят в могилу до первого призыва их на помощь теке.

С той поры, как аулы вышли из оазиса, верблюды не получали ни капли воды и жалобно мычали, опровергая сказание, будто они охотно отказываются утолять свою жажду. Старые люди, однако, знали, где добыть воду. Неподалеку от могилы находились хорошие колодцы, забросанные теперь падалью и песком, чтобы русские, если они вздумают идти со стороны Хивы, не прошли по этому пути в Теке. По-видимому, такой путь невозможен, но русские упорны. Они разрешают иногда совсем неожиданные дела.

Разумеется, расчистку колодцев поручили рабам, но по малому их числу и свободные люди приложили руки к святому делу добычи воды. После упорного суточного труда показалась вода – нехорошая, правда, с сернистым запахом, но запах – это такие пустяки!

Теке расположились привольно. На холме красовалась ставка сардара, возле которой поставили кибитки почетнейших людей, в том числе инглези и его толмача. Впрочем, красивее и богаче всех кибиток и палаток была юламейка ханум, известной в степи под названием Улькан-хатун, то есть великой женщины. Женщины Теке признавали ее старейшиной между ними наравне с сардаром, поэтому они любовно обвили ее юламейку коврами своего изделия, паласами и дорожками.

Кто не знал в Теке Улькан-хатун? Кто не рассказал бы историю ее покойного мужа, не раз носившего в аломанах титул сардара, Нур-Верды-хана?

Было время, когда хорасанские ильхани отошляли и, чтобы сколько-нибудь прибавить себе жиру, решили произвести аломан в таких размерах, чтобы вся Туркмения обратилась в тучу придорожной пыли. С этою целью многие тысячи всадников спустились с гор, но они не ожидали встречи с Нур-Верды-ханом. Встреча же была для Ирана убыточная. После нее вся степь и горы до Буджнурда и Кучана покрылись высокими шапками шиитов, а копыта их коней забыли надолго дорогу в Теке.

Ни одна хорасанская крепость не могла устоять против штурмовой лестницы Нур-Верды-хана, как не устояла бы против него ни одна восточная красавица. При этом, губя врагов, он не отпускал от себя ни одной нищей без харвара пшена.

Но в жизни каждого человека есть загадка, смысл которой не дано уразуметь смертным. Воин по призванию, батырь по многим совершенным подвигам, Нур-Верды-хан умер не в бою, а у себя в кибитке, заразившись язвой от любимого коня. Так он и не дождался счастья поместиться силами с русским сардаром.

После него остался сын – надежда всего Теке, – но этот пал в стычке с русскими, повергнув свою мать в неопisanную скорбь. Рааби-Гизель дала после его смерти клятву принести все свое громадное состояние в дар теке для войны с неверными. Вот этот ее подвиг и принес ей титул Улькан-хатун.

Она даже вышла замуж за Софи-хана исключительно с целью возвести его в сардары и поставить в войне с русскими главой военной силы. Но – увы! – она ошиблась. Народ не признал его достойным этой власти, так как он походил скорее на купца, нежели на истинного батыря.

Оставшись верным Эвез-Мураду-Тыкма, народ избрал в помощь ему соправителей по одному из каждого колена, с тем чтобы это четверовластие ведало войну и мудрость. В состав его вошли: от колена сычмаз – Эвез-Дурды-хан, от колена бек – Ораз-Мамет-хан, от колена векиль – Мурад-хан и от баш-дашяк – Хазрет-Кули-хан. Все они были люди законнорожденные, украшенные добрым именем, седыми бородами и рубцами, заменявшими в степи медали за храбрость. К этому совету примкнули домашний святой Керим-Берды-ишан и добровольцы из потомков пророка, а также люди, знавшие Писание и изучившие Коран в бухарских медресе.

При избрании сардара партия ханум попробовала было подорвать доброе имя Эвез-Мурада и поставила щекотливый вопрос: можно ли доверить судьбы народа человеку, который часто бывал в Шагадаме и получал от русского начальника деньги и халаты? Но этот избирательный маневр не удался. С одной стороны, никто не решился подтвердить клятвой, что Эвез-Мурад-Тыкма получал от русского начальника деньги и халаты, а с другой – теке признавали, что в их племени никогда не было и не будет изменников. Против такого доказательства не могла устоять даже партия Улькан-хатун.

ХІІІ

О’Донован чувствовал бы себя превосходно, но, к сожалению, его фляжка была суха, а избытком баранины и риса нельзя пополнить недостаток в коньяке.

– Не знаю, долго ли я пробуду в текинской земле, – говорил он Якуб-баю, – вода здесь очень скверная, а у меня все лекарство на исходе.

– О лекарстве не беспокойся, – отвечал успокоительно Якуб-бай, – за лекарством уже послали, и, вероятно, сегодня посланные возвратятся с хорошим запасом.

– За каким лекарством? – спросил О’Донован. – И куда могли послать? Где же здесь аптека?

– Когда есть хороший джигит, тогда все есть. Я объяснил сардару, что ты заболеешь без лекарства, и он сейчас же послал джигитов, чтобы привезли сюда как можно больше и самого крепкого. Здесь, полковник, нас уважают.

– Где же его добудут?..

– В Красноводске.

– Но какое лекарство?

– Хорошее лекарство – рижский бальзам. А только, полковник, пожалуйста, не пей его больше, чем нужно для твоего здоровья. В последний раз, когда ты хотел танцевать со старухами, я испугался. Здесь народ трезвый, он даже и бузы не пьет. Сегодня же тебе придется сказать целую речь, потому что теке готовят в твою честь скачки и игру в серого волка.

К вечеру возвратился гонец из Красноводска с запасом рижского бальзама. О’Донован обрадовался ему настолько, что проспал всю первую часть праздника, состоящего, впрочем, из одной еды в обширных размерах. Настоящий же праздник готовился к приходу дальних гостей. Сюда шли по приглашению сардара с севера и востока на большой народный маслахат аулы за аулами. Вскоре могила аулиэ очутилась в центре громадного народного становища. Долго шла установка кибиток. Ржание коней, верблюжье всхлипыванье, реготание куланов и собачий лай сливались в одну общую гармонию, ласкающую слух степняка.

О’Донован, которого почтительная молва произвела уже в джанарал-инглези, метался в беспокойных сновидениях. Якуб-бай, однако, был настроже: весь запас лекарства он закопал в песок, а для освежения патрона приготовил турсук холодной воды.

Утреннее солнце давно уже согрело песчаное море, когда О'Донован, выйдя из кибитки, окинул взглядом громадное пространство, покрытое всадниками и толпами ребятишек, предпочитавших природные покровы прихотям и утонченностям одежды.

– Для чего поставлены пики у кибиток? – спросил он Якуб-бая.

– Где пики, там и джигиты.

– А где же пленница? – спохватился О'Донован. – Неужели и ее заставили копать колодцы?

– Нет, Аише поручили доить кобылиц. Она назначена в награду победителю на скачках, которые начнутся сейчас после угощения.

Прежде, однако, чем открыть скачки, сардар пригласил к себе четверовластие на большой военный совет, на котором джанарал-инглези должен был передать народу теке слово своей королевы.

В кибитке совета не было ни прялки, ни одеяла, ни ступы для толчения проса – ничего, что говорило бы о существовании на земле женщины; одно оружие служило ее украшением. Ханы, ишан и сеиды не заставили себя ждать и, щеголяя одни яркими халатами, другие клычниками в ножнах, усыпанных бирюзой, собрались в кружок, расположившийся степенно, как следует мужам совета и разума.

О'Донован тоже принарядился в тужурку с шнурками и в каскетку, обернутую кисеею наподобие чалмы. Якуб-бай особенно хлопотал, чтобы его патрон выглядел достаточно парадно и грозно.

– Джанарал-инглези! – провозгласил торжественно сардар при входе О'Донована. – Он пришел к нам из дальней страны сказать нашему теке дружественное слово своей королевы.

– Мы слушаем! – ответило кратко предстоявшее собрание. – Слово королевы нам приятно.

– Королева инглези шлет вам свое сердечное приветствие, – переводил Якуб-бай речь О'Донована. – Письма же ее и подарки придут через Герат, из Индии, куда они пошли кругом света на кораблях.

Узнав о таком внимании королевы, весь совет теке троекратно погладил бороды, причем Керим-Берды-ишан провозгласил, как и следовало его сану:

– Аллах акбар, Аллах акбар!

– Королева приказала мне сообщить текинскому народу, что Россия шлет в Теке большое войско, которое двинется со стороны моря и с севера через Хиву и пески.

– А правда ли, что у русских начальников плохие ноги? – полюбопытствовал внезапно один из младших военных советников.

Товарищи, однако, оставили его без поддержки и дали понять, что слово принадлежит джанаралу.

– Россия имеет разные войска. Впереди их пойдут казаки...

– Казаков мы не боимся! – перебил неугомонный советник. – На три казачьих головы достаточно одной текинской руки, а лошади их годны только, чтобы перевозить мельницы для пшена.

– За ними пойдут белые рубахи.

– Вот с белыми рубахами справляться труднее. Они ходят так, как мы ходить не умеем, – плечом к плечу.

– Они повезут пушки.

– А тыр-тыр тоже повезут?

– Да, и тыр-тыр.

– Тыр-тыр мы не любим, – решил единогласно совет. – У нас нет зембуреков, которые стреляли бы по сто раз в минуту.

– Королева сделает все, чтобы затруднить движение русских войск. Она будет писать письма разным королям.

– Письма – это одни пустяки. Скажи ей, чтобы она не писала писем.

– Она будет всей душой на стороне текинского народа.

– Душой? Нам души не нужно. Нам нужны ружья и порох! Народу у нас много! Взгляни, какой густой лес из одних пик. Пусть она пришлет нам тыр-тыр и пороху, и мы не пустим русских дальше моря. Напиши ей, что если русские разобьют текинский народ, то они возьмут Мерв и Герат и поднимут в Индии большой джанджал!

Речь эту произнес Ораз-Мамед-хан.

«Этакая умница! – подумал О’Донован. – Но, увы, не видать тебе тыр-тыр как своих ушей!»

– Пока придут письма и пушки королевы, необходимо подбодрить народ и сказать ему хорошее слово, – решил сардар. – Якуб-бай, вели барабанить!

По выходе Якуб-бая из совета слышались удары, напоминавшие колотушки в сухую баранью кожу, натянутую на пустой котел. Выходило не особенно воинственно, но этот клич был введом народу. Все население потянулось из кибиток к шатру сардара.

– А правда ли, – интересовался между тем в совете легкомысленный советник, – что русские не могут ходить на ногах и что их возят в ящиках?

Возвратившийся в заседание Якуб-бай подтвердил эти сведения, сказав притом, что ящички называются каретами.

Заседание совета окончилось.

Весь оазис отозвался на военный клич, поэтому холм аулиэ Джалута был окружен тысячами кибиток и внушительной силой. Правда, в ее составе были женщины и дети, но в массе преобладал элемент батырей и неустрашимых наездников.

Взойдя на холм, сардар приветствовал собравшийся народный круг пожеланиями наилучших благ – людям, стадам их и всей текинской земле.

– Затем объявляем, – провозгласил он насколько мог торжественно, – что королева инглези прислала нам своего джанарала с очень хорошими обещаниями. Джанарал перед вами. Просим вас и приказываем слушать его с почтительным вниманием.

Слова сардара были крылатые. Только глухой не внял бы их смыслу и только безрукий, услышав их, не погладил бы себе бороду. После этих слов джанарал-инглези выступил перед всей землей Теке.

– Аман гелдингиз! – приветствовали его теке. – Аман бол! Аман! Прими наши головы в свои руки.

Особенно резко выделялись голоса старух, занявших передовые места возле самого холма. Без них народный совет обойтись не мог.

– Что я должен сказать? – спросил О’Донован стоявшего с ним рядом Якуб-бая.

– Королева инглези, – выкрикнул Якуб-бай, как будто переводя слова посланника, – желает, чтобы дом каждого из вас был счастлив и чтобы ваши овцы и верблюдицы давали богатый приплод!

– Говори, говори, ты хорошо говоришь! – слышались отовсюду поощрения.

– Королева приказала спросить, как вам приятнее жить: в кибитках под открытым небом или в каменных саклях под замком? Она сказала: пусть народ теке хорошо помнит, что по русским законам нельзя ставить кибитки, где кто хочет, и что в России каждый должен умереть там, где он родился. Она сказала: в одном году вы будете сеять просо, в другом – горох и ни в каком случае не сеять рис, потому что у русских болит от риса голова. Каждому из вас дадут по кусочку земли, а остальную отберут для сербазов.

Народная волна мгновенно поднялась, вскипела, и все становище огласилось восклицаниями.

– Нет, мы не хотим жить под замками! – заявили все молодые.
– Смерть гяурам! – загремели герои аломанов.
– Утонуть бы им в наших песках! – дружно зашамкало все старье. – Отравиться бы им нашей водой! Пошли им Аллах скорпионов в уши! Пусть птицы абабиле возьмут их себе на растерзание!

– Пиши королеве, что теке не согласны идти под русские законы! – выступила с решительным приказом Улькан-хатун. – Мой сын убит, но я... я еще жива!

– Русские потребуют, чтобы никто из вас и не подумал об аломане, – продолжал вспенивать народную волну Якуб-бай. – Вам позволят работать седла, но без права вкладывать ноги в их стремя. Вы будете ткать ковры, но не будете на них лежать. У каждых ваших десяти кибиток будет русский начальник.

– Нет, мы не позволим! Мы не хотим! Мы не согласны! – слышалось со всех сторон.

– Слава Аллаху, нас везде боятся, нас видели и на стенах хорасанских крепостей, и на базарах Ургенча!...

В среде батырей засверкали клынчи.

– У вас отберут оружие...

– Оружие отберут? Но ведь тогда персияне придут бить нас по щекам.

– Русские этого не понимают.

– И нам тогда останется сидеть сложа руки и смотреть, как толстеет хивинское брюхо на жирных пельменях! Хороши будут наши дела!

– А кто же запретит моему Мумыну вскочить на коня? – полюбопытствовала его горделивая мать. – На коне же и при клынче текинцу, слава Аллаху, путь открыт повсюду.

– И все-таки русские поймают его и посадят в каменную саклю без солнца и воздуха.

– Моего сына поймают? Какие ты говоришь глупости!

– О, русские очень хитры, – уверял Якуб-бай, – у них есть разные заклинания, которых не знает текинский народ. Они ловят не только ветер, но и слова. Вы скажете слово в Ургенче, а они слышат его в Тегеране.

– А кого поймают на аломане, что с ним делают? Голову рубят?

– Голов они не рубят, но заставляют идти пешком в Сибирь. Нравится вам это?

– В Сибири нашему народу нехорошо! Там холодно.

– А всех ваших девушек раздадут сербазам.

Послышались проклятия.

– Рабов и рабынь отпустят на волю!

– Сын мой, – выступила Улькан-хатун, – спроси джанарала инглези, что делать текинскому народу?

– Джанарал говорит, что кто из вас может поднять клынч, тот должен его поднять, и у кого есть мультук, тот должен зажечь его фитиль. Вы имеете неприступную крепость.

– На ее стенах пасутся мои козы, – заметила откровенно Улькан-хатун, – какая же она неприступная?

– Королева инглези пришлет своего мастера, который сделает стены Голубого Холма неприступными.

– А пушки она пришлет?

– Пушки она уже послала, и они идут сюда вокруг света.

– Ох, сын мой, не хочешь ли ты, чтобы от одного твоего слова «сахар» у меня сделалось сладко во рту?

Сардар знал неукротимый нрав строгой ханум и был настороже. При ее намерении опочить перед народной толпой дружбу с инглези он выступил с своим властным решением:

– Вы слышали все своими ушами, а что нужно, то услышите. Не время говорить подробности. Королева инглези держит свои обещания, а теперь пусть каждый из нас готовит оружие и слушает своих начальников.

Оставив народный круг, сардар возвратился в кибитку, чтобы открыть заседание четверовластия. Решение этого совета сделалось вскоре известным Якуб-баю.

– Сардар подарил арбу фисташек и орехов, а Ораз-Мамед-хан двести баранов, – сообщил он О’Доновану.

– На что мне бараны и фисташки? – спросил О’Донован.

– Да они подарены народу, а не тебе. Тебе не за что дарить. Где твои пушки, где порох? Кого ты хочешь обмануть, будто пушки везут вокруг света? Нет, фисташки и бараны пойдут для народного праздника. Такой большой томаши никогда еще не видели теке.

– В чем же она будет заключаться?

– В скачке и угощении. За два таша отсюда будут положены шапки сардара и ханов. Кто доставит первую шапку, тот получит Аишу, за вторую шапку – седло с бирюзой, а за третью – нагайку в серебре. Завтра будет другая игра – в серого волка. Будут рвать козла, у которого к каждой лопатке привязано по три персидских тумана. По окончании кок-бури будет угощение. Завтра же ожидают и прибытия посланников из Мерва, а после того выйдет решение, воевать или не воевать с русскими. Тебя будут много спрашивать. Если решать воевать, то доставят сюда на холм большую пушку и выстрелят в воздух три раза.

– Да где же у них пушка?

– Теперь она песком засыпана.

Не успел Якуб-бай осветить всю картину предстоявших праздников, как в кибитку джанарала инглези вошла матрона довольно свирепого вида. Она привела с собою ребенка, страдавшего, по-видимому, лихорадкой. После обычного приветствия матрона затараторила.

– Она просит дать лекарства для своей внучки, – перевел Якуб-бай.

– Гони ее вон! – скомандовал О’Донован. – Я не доктор и не желаю лечить текинское отродье.

Рассудительный Якуб-бай повременил, однако, исполнить приказание джанарала.

– Так нельзя, – объявил он после серьезного размышления. – Пушек ты не привез, пороху не привез и лечить не хочешь. Чего же, спросят, ты приехал? Долго ли после этого пропороть бок человеку?

– Как это пропороть, чем пропороть? – засуетился О’Донован.

– Известно чем – ножницами, которыми стригут баранов. Здешние старухи владеют ими так же хорошо, как мы, кавказские горцы, владеем кинжалами.

Перспектива эта не понравилась О’Доновану.

– Ты объяви, что при мне есть английский флаг и что за оскорбление его королева разорит все Теке.

– Зачем им флаг оскорблять? Они возьмут его себе на шаровары. И что, тебе жалко куска леденца? Посмотри на язык ребенка, посмотри ему в ухо, в затылок и скажи что-нибудь, а уж я знаю, чем нужно лечить.

Якуб-бай все больше забирал О’Донована в руки.

– По-моему, ребенок очень плох, – сказал О’Донован.

– Если Аллах поможет, то твой внук, подобно аулиэ Джалута, успеет совершить при жизни сорок аломанов, – перевел Якуб-бай. – Вот лекарство, давай его по три раза в день.

Лекарство состояло из кусочка сыра, к которому пристали крошки чайных галет.

– Одним этим лекарством нельзя всех лечить, – заметил потом Якуб-бай, выпроводив старуху. – У нас есть маленькая дорожная аптека, из которой легко сделать большую аптеку. Нужно прибавить к ней бутылку бальзама, сухарей и корку от сыра.

Якуб-баю приходилось торопиться с устройством аптеки, так как нетерпение собравшихся у кибитки пациентов возрастало. Жилистые руки старух просовывались сквозь все отверстия войлока.

Вторым пациентом был тоже ребенок с необыкновенно раздутым животом. Его снабдили реченной лепешкой. Следующим пациентом явился поседевший в аломанах батырь, на спине которого не раз прогуливался вражий кистень. Ему дали стаканчик рижского бальзама.

За стариком последовала девушка, вероятно красавица, потому что все лицо ее было вымазано, в предохранение от дурного глаза глиной с песком. От нее не добились никакого толку, но все-таки снабдили ее гомеопатическими крупинками. Наконец, явилась старуха, умудрившаяся втащить в кибитку покусанного шакалом осленка.

Якуб-бай особенно обрадовался этому осленку.

– Джанарал обижен и не хочет больше лечить! – объявил он во всеуслышание, выталкивая с криком старуху. – Вы готовы просить у него лекарства для дикой свиньи. Так нельзя. Пошли вон! Иначе джанарал уйдет от вас и возьмет назад и пушки, и порох.

Толпа накинута на старуху и на осленка, которому досталось немало пинков за доставленное им джанаралу огорчение. Впрочем, в это время подали сигнал к началу скачек, перед которыми должны были утихнуть все болезни и старого и малого теке.

XIV

С вершин песчаных барханов, окружавших аулиэ Джалута, открывалась вся панорама степной удалы. Готовились скачки – скачки по совершенному бездорожью, так как сыны теке не понимали ни прелести тотализатора, ни величия судейской беседки. По своей наивности они думали, что лошадь не всегда найдет в поле ровную как скатерть дорогу и что сила скакуна и искусство наездника проявляются виднее при естественных условиях природы, нежели при обработанных и отполированных.

Несколько сот юношей, высоких и статных, как восточные тополи, едва-едва сдерживали горячившихся аргамаков. Последние, не проходившие академического курса приобретения призов, рвались в ожидании сигнала заранее вперед со всей своей дикой неблаговоспитанностью. Образцовое поведение их собратий в Дерби и Лоншане было им неведомо.

Много степь наворовала девиц. Говорят, что она аломанила их даже из русских хуторов возле Урала, но предание об этих дальних набегах перешло уже к сказочникам. В последние годы теке умыкали красавиц у курдов, таджиков, персов и даже из гаремов персидских ильхани; такой, однако, красавицы, как Аиша, не было у самого принца Рукн-уд-доуле.

Звуки барабана призывали наконец становиче к вниманию и порядку. Первое слово принадлежало сардару.

– На вершине Голубого Холма, вокруг которого мы строим, с помощью Аллаха, стены в защиту от врагов, вы найдете три шапки. Одна принадлежит мне, другая – Ораз-Мамед-хану, а третья – Мурад-хану.

Затаив дыхание, вся народная масса превратилась в слух и зрение. Можно было подумать, что к речи сардара прислушивались не одни люди и кони, но и те горы, что виднелись в дымке дальнего горизонта.

– Первый, кто доставит сюда шапку, получит в награду пленницу Аишу. Она здесь, перед вами, за нее уже предлагают выкуп в двести харваров пшеницы. Наградой за вторую шапку будет седло с серебром, бирюзой и с украшением из слоновой кости, придающей джигитам непобедимую силу. За третью шапку – нагайка. Кожа ее из барса, а ручка из дерева, служившего посохом в благочестивом путешествии, хадже...

Ни седло, украшенное слоновой костью, ни нагайка из барсовой кожи не пленяли взора туркменских юношей. Только одна Аиша была у них перед глазами. Закрывая лицо широким рукавом шелковой рубашки, она с любопытством зверька оглядывала толпу молодежи.

Кому она достанется в рабыни, спрашивало судьбу ее дикое сердце. Хорошо бы этому высокому, который так картинно подбоченился перед соперниками. Но другой, в желтом халате и с широким серебряным поясом, красивее первого. А у третьего сколько шрамов на лице, этот на аломане себя не выдаст! Кому же?

– Кет! – раздался повелительный голос сардара.

– Кет! – повторили глашатаи.

– Кет! – загремело в народной толпе.

Толпа юношей ринулась вперед, как один человек, добывать Аишу, а с ней и славу первого в Теке наездника. Многие из них обернулись на всем скаку, точно хотели сказать Аише до свидания. Обернулся и противный Мумын, выкравший Аишу из родного Нухура. Убегая тогда в степь, он обращался с ней как со снопом клевера.

За группой истинных наездников ринулись все конники, за исключением библейских старцев, которым было уже не под силу мчаться вольной птицей. За людьми бросилась стая гончих. Образовался ураган, окутавшийся в непроницаемую тучу пыли.

Одним поварам был недосуг насладиться таким необыкновенным зрелищем. Они должны были разделать несколько сотен баранов и напечь целые горы чуреков. Предстоял гомерический пир. Женщинам и детям готовили пряники из муки и виноградного меда, хотя и изготовленного в Иране руками шиитов, но довольно сладкого.

В ожидании возвращения наездников народ разошелся по кочевью, чтобы принять участие в общем приготовлении к празднику. Возле Аиши остались одни старухи, принявшиеся пытливо и назойливо осматривать молодую пленницу.

– Кет! – прикрикнул на них Якуб-бай. – Сардар приказал мне одному говорить с Аишей, кет!

Старухи поворчали, но повиновались.

– Аиша, мне тебя жалко, – обратился Якуб-бай льстиво и вкрадчиво к пленнице. – Твоим ли рукам толочь просо? Твоим ли ногам ходить босыми по колючему полю и собирать навоз для топлива?

– Но меня трудно выкупить! – отвечала доверчиво Аиша. – Я дочь старшины в Нухуре, и меня все зовут красавицей. Меня не выпустят на волю дешевле как за сто туманов и двести харваров пшеницы.

– Что такое для меня сто туманов и двести харваров пшеницы?! Это такое пустое дело!

– По платью и выговору вы человек не туркменского рода. Кто же вы и где ваши лошади и кибитка?

– Что такое лошади, что такое кибитка, когда у меня есть сад, в котором недостает только тебя, мой соловей!

– Но как же я убегу?

– Бежать не следует, – заметил Якуб-бай. – Зачем бежать, зачем сердить этот добрый народ? Ты только полюби меня, а все остальное я сделаю.

– Тебя полюбить можно, – решила Аиша, рассматривая его бешмет, патронташ и кинжал.

– Ичиги из сафьяна я буду выписывать тебе из Бухары, а шелковые буренджеки из Тегерана. Для твоих кос у меня найдется достаточно русских червонцев. Работы никакой не будет. Лежи целый день на мягких одеялах и грызи фисташки, вот и все!

– А мастику для зубов будешь давать?

– Все, что пожелаешь, моя козочка!

– А краску для ногтей?

– Что такое краска?!

– Хорошо, я готова назвать тебя своим господином, но смотри, чтобы я не досталась на скачках противному Мумыну! У него ничего нет, кроме лошади и бязевой рубашки, а он хочет держать дочь старшины из Нухура своей рабыней! Впрочем, взгляни на эту косу, она достаточно длинна, чтобы задушить ею Мумына.

Дальнейший уговор был прерван джигитом, явившимся к Якуб-баю с просьбой пожаловать к сардару для перевода объяснений с джанаралом инглези.

– По окончании праздника мы пошлем весь народ продолжать постройку стен Голубого Холма, – говорил сардар, – поэтому спроси джанарала, какой толщины мы должны строить их, чтобы поместить на них пушки королевы?

– Стены должны быть очень толстые, – перевел Якуб-бай ответ О’Донована, – не менее десяти шагов.

– Сколько следует проделать в них бойниц?

– Пятнадцать, – сболтнул Якуб-бай.

– Пятнадцать – это хорошо, – одобрил сардар. – Какой величины нужен погреб, чтобы запрятать в него порох?

– Такой величины, какой нужно на тысячу харваров пшеницы.

Сардару показалось невероятным такое громадное количество пороха, но из вежливости он протянул:

– Очень хорошо, очень!

– Королева советует вам не допускать русских к Голубому Холму, – говорил О’Донован. – Не всякую крепость можно отстоять против коварных людей. Вы нападайте на их караваны с хлебом, а еще лучше попробуйте напасть на Красноводск.

Якуб-бай перевел эту речь без собственных украшений.

– Мы уже об этом думали, – признался сардар. – Шагадам я хорошо знаю: там стенки не выше моей шапки, но за ними сидит джанарал Петрусевич, который далеко видит и мало спит.

Несмотря на всю важность совещания, сардар не мог пропустить минуты возвращения наездников, добивавшихся призов и славы. Дозорные джигиты подавали уже знаки об их приближении.

«Кому же я достанусь? – беспокоилась Аиша. – Неужели захудалому Мумыну?»

Да, имя Мумына гудело в воздухе, а вскоре и он показался в совершенно облегченном виде, без сапог и без халата. Даже нагайки не было в руках, зато он высоко поднимал шапку сардара. Аргамак – единственное его достояние – расстилался ястребом, и хотя на него наседали другие наездники и тоже с шапками, но он первый положил трофей у ног сардара.

Толпа пробовала было засыпать захудалого человека насмешками, которые, однако, возбудили истинный гнев сардара.

– С какого времени текинцы начали издеваться над шароварами бедняка? – спросил он строго толпу. – Наши отцы смеялись над трусостью, но над бедностью – никогда. Сын мой, – обратился он к Мумыну, – назначаю тебя есаулом и от имени всего Теке дарю тебе клынч, кибитку и халат. Возьми Аишу с собой – ты дважды взял ее в плен. От судьбы уйти нельзя.

Мумын чувствовал себя выше орлов, паривших над Теке. Правда, Аиша не разделяла его радости, тем не менее она безмолвно последовала за своим господином. Увы, теперь она рабыня, у которой не будет ни краски для ногтей, ни мастики для зубов, ни ичигов из голубой кожи на ногах...

Наступил торжественный час народной еды, когда каждый теке мог свободно присесть к любому из котлов. Аулиэ Джалута, говорят, много ел, но и он бы не осилил эти горы баранины с рисом. Пир шел долго, степенно, безмолвно.

По окончании еды заиграла музыка. Образовались кружки сказочников, и появился всемирный петрушка, выкрикивавший из-за бязевой занавески остроты суннитов над ши-

тами. Впрочем, наибольшее удовольствие доставляли козлики, умело становившиеся всеми четырьмя копытами на вершину тонкого столбика.

Спустившаяся ночь бессильно звала народ к отдыху. При ее дымке ликующее настроение еще более возросло, и только одни новорожденные, которым ничего не нужно, кроме материнского молока, не предавались неудержимому веселью. Много помогала празднику и потянувшая с севера прохлада. К тому же мириады звезд так весело замигали на небе, точно и там разделяли отраду теке.

О'Донован, рисовальщик по профессии, с лихорадочной поспешностью набрасывал эскизы степной феерии и до того увлекся необыкновенными световыми эффектами, что не чувствовал даже своей обычной жажды.

Не желая смешиваться с народом, Якуб-бай бродил все это время по лагерю, не особенно отдаляясь от ставки сардара. Наконец последний пригласил его к себе освежиться чашкой айрана.

– Доволен ли джанарал нашим угощением? – спросил заботливый хозяин праздника.

– Инглези не умеют ценить хорошие кушанья, – отвечал Якуб-бай. – У них только одна королева любит вкусную баранину.

– Неужели ему не нравятся и наши молодые ягнята?

– Не обращайтесь, сардар, внимания на его аппетит и преклоните ваше ухо к следующему известию: джанарал пишет письмо королеве.

– Можно ли узнать о чем?

– Он пишет по моему совету, а я знаю, что нужно текинскому народу. Кроме того, я знаю, что нужно и королеве инглези. В ее дворце есть невольницы из всех стран, но нет из Курдистана, и вот я посоветовал джанаралу – да простит мне Аллах эту ложь! – написать, что теке посылает ей в подарок первую красавицу из Нухура. Она будет очень рада, хотя потом придется сказать, что рабыня... бежала или умерла.

– О, просветление моих очей! – воскликнул сардар. – Снимаю ложь с твоей души и дарю королеве инглези Аишу. Мумын беден, ему пригодятся более, чем рабыня, верблюд и два-три десятка баранов.

– Можно ли сказать это джанаралу?

– Беги и говори ему!

– Но с этой минуты нужно, чтобы Мумын и никто из джигитов не смели глядеть на Аишу. До отправки же к королеве ей нужно дать особую кибитку и старуху, которая спала бы у ее порога.

Сардар обещал распорядиться как следует, и Якуб-бай отправился с докладом к О'Доновану.

– Сейчас на вопрос сардара, что ты делаешь, я отвечал, что ты пишешь письмо королеве.

– Я пишу письмо королеве? – изумился О'Донован. – Якуб-бай, ты лгун!

– И просишь королеву, чтобы она поторопилась с присылкой пушек и пороха. Без этой помощи, пусть она знает, текинцы расступятся направо и налево и пропустят русского сардара в Индию. Теперь нужно непременно отправить какое-нибудь письмо отсюда.

– У меня готовы письма, разумеется, не к королеве, но как их отправить? И в Красноводске, и в Чекишляре непременно спросят, кто посылает письма в Англию из Теке.

– Есть такой один человек, который для тебя все сделает. Ему открыта дорога в Персию, как в свою кибитку, а оттуда открыта дорога во все концы мира. В Иране кто не знает Якуб-бая?

Обрадовавшись возможности отослать письма и рисунки, О'Донован срочно изготовил посылку с надписью «Мистеру Холлидею».

– Нужно показать сардару, – посоветовал Якуб-бай. – Он так обрадуется этому делу, как малое дитя. Можно сказать, что здесь письма не только к королеве, но и ко всем ее министрам.

– Ну скажи, черт с тобой, – согласился О’Донован, – все равно, что бы я ни сказал, ты солжешь по-своему.

При виде толстого пакета сардар действительно обрадовался ему, как малое дитя. Из почтение к имени королевы он прикоснулся лбом к адресу, а из желание успеха – подержал конверт у сердца.

– Тебя сардар очень благодарил, – доложил Якуб-бай, возвратившись с аудиенции, – а мне он подарил Аишу.

– Почему он подарил тебе Аишу, а не мне? – не без досады спросил О’Донован.

– Разве у англичан есть рабыни?

– Что же ты будешь с нею делать?

– Я поставлю ее между сердцем и карманом, и кто из них перетянет, к тому она и пойдет.

XV

Следующий день народного праздника был посвящен состязанию в серого волка. Обыкновенная скачка, хотя бы и на лучших в мире аргамаках, бледна и ничтожна перед кок-бури. Сама по себе несложная задача игры разрешается обычно многими падениями с разгоряченных коней и нередко смертельными ушибами. По знаку распорядителя все участники в ней должны помчаться к условленному месту и, схватив там козла, представить его живым или мертвым господину праздника. В этой игре нет друзей. Несчастный козел переходит в третьи, четвертые, а иногда и в сотые руки. Здесь все хитрости хороши и нападения и увертки похвальны. Пинков не считают и свалившихся с седел не щадят. Толпы борцов то появляются перед распорядителем, то вновь мчатся в степь и нередко за десятки верст.

– Кет! – провозгласил хозяин сегодняшнего дня Хазрет-Кули-хан. Призы победителю были за его счет. – Кет! Худа ярдам бирсун!

И толпа юношей унеслась вихрем в степную даль. В среде их Мумын был уже в красном халате с фасонисто повязанным поясом.

– Сардар просит вас пожаловать на соколиную охоту, – доложил между тем Якуб-бай своему патрону. – Народ будет забавляться простыми играми, а мы будем бить соколами перелетную птицу.

– Какая же здесь охота? – заметил О’Донован. – На ящериц, что ли?

– Охота будет служить только предлогом для встречи посланников из Мерва, они уже недалеко.

На этот раз при сардаре образовалась свита из сокольничих, доезжачих, стремянных и военного эскорта. Видно было старание Ахал-Теки представиться гостям из Мерв-Теки при хорошей обстановке.

Сардар, О’Донован, четверовластие и духовные лица выдвинулись вперед, а Якуб-бай лавировал возле них так, чтобы не казаться ни ровней, ни слугой.

– Королева думает, – переводил он речь О’Донована, – что вы, сардар, поднимете всех мусульман против русских. Вам одним трудно с ними справиться.

– Кого можем, того поднимем, – отвечал дипломатически сардар. – Сегодня будем видеться с нашими друзьями из Мерв-Теки.

– А почему вы не приглашаете Персию на помощь?

– Напишите королеве, что напрасно она так дурно думает о текинском народе. Собак-персиян мы не возьмем в товарищи, даже если бы русские отняли у нас воду – всю до последней капли.

– Сунниты не могут звать на помощь шиитов, – добавил от себя объяснение Якуб-бай.

– А почему вы не приглашаете хивинцев на помощь, они же сунниты?

– Они теперь на положении собак, побитых сердитым хозяином. Тем не менее мы пошлем им известительное письмо и напомним, что ради крепости ислама они должны держаться одних с нами мыслей.

– Вы соседи с Бухарой?

– Да разве бухарцы могут воевать как следует? Они по преимуществу купцы. Взгляните на их халаты и чалмы из парчи и кашемира и судите сами, какие они воины. Им в пору считать свои барыши.

– А афганцы? – допытывал О’Донован. – Афганцы народ воинственный.

– Для них найдутся у русских генералов серебряные пули, – сострил кто-то из четверо-властия. – Когда они ловят эти пули, то сейчас же забывают о братьях-мусульманах. Инглези, разумеется, знают, сколько съел русского пилава Абдурахман-хан, сидя под тенью самаркандских чинаров.

В это время общее внимание было неожиданно возбуждено потянувшимися из-за гор длинными вереницами перелетной птицы. То было время, когда пернатый мир совершает обычный перелет с юга в густые плавни амударьинских разливов. В поднебесье шла оживленная переключка. Оттуда виднелось и Аральское море, не везде еще доступное жадности человека...

Сначала сардар и ханы хранили степенность серьезных мужей, но прелесть соколиной охоты взяла верх, и кречет за кречетом взлетели на воздух. Вскоре группа сановников разматалась на большом пространстве. Такая богатая охота доступна здесь только два раза в году, при перелете птиц из Индии и обратно.

Керим-берды-ишан также охотно спустил бы сокола, но как духовное лицо он мог поучать, а не развлекаться. При данной обстановке ему приличнее всего было говорить о том, какую дичь следует считать законной и какую истинный правоверный должен отвергать как недозволенную в пищу пророком.

– Дичь, пойманная при помощи дрессированного животного, принадлежащего к охотничьей породе, законна, – пояснял он своим слушателям, к которым присоединился и О’Донован с толмачом. – Собака считается дрессированной, когда она трижды поймала дичь и не съела ее.

– А сокол? – спросил кто-то из слушателей.

– А сокол дрессирован, когда он возвращается на зов хозяина.

– Можно ли употреблять в пищу дичь, убитую камнем? – спросил О’Донован, заинтересовавшись схоластикой охотничьих законов мусульманства.

– Если дичь убита камнем без острия, то она незаконна, потому что не была ранена, а если она убита острием камня, то законна. Впрочем, Абу-Юзуф другого мнения, только его мнению не следует верить. Он даже говорит, что если стрела будет пущена в саранчу, а попадет в дичь, то и тогда дичь законна. Очевидное невежество! На этот счет Абдулла-Абас доказывает противное...

Охота между тем продолжалась с полным увлечением. Много уже было приторочено к седлам кречетников лебедей и уток, когда сардару доложили, что по дороге из Мерва показались долгожданные гости. Все они шли одвуконь. Толстая пелена пыли покрывала и коней, и всадников, и, несмотря на это, Мерв-Теке представлялось в изнеженном виде. Чепраки их горели золотой нитью, ножны блестели серебром и камнями, а замшевые чембары были расшиты шелками и опушены мехом кабарги.

Ахалинцы и мервцы встретились по всем правилам утонченного этикета. Сойдя с коней, прежде чем обменяться пожатием рук, они уставили глаза в землю и приподняли рукава халатов до самых локтей.

– Мы люди из Мерва, – заговорил известный Коджар-Топас, представитель пришельцев, – мы пришли сюда по вашему дружественному письму.

– Да, мы просим вашей помощи против общего врага, – отвечал сардар. – Врагу понадобился наш бедный край, и он опять идет на нас, но теперь уже с большими силами.

– Разве у него нет земли, чтобы найти себе могилу?

– Земли у русских много, только она очень болотистая, и теперь они ищут места себе посуше. Но мы просим дорогих гостей не обременять свое сердце заботами и пожаловать на отдых.

Невежливо было после приглашения на отдых заниматься какими-нибудь делами, но люди из Мерва никогда еще не видели ни одного русского человека.

– Правда ли, что все русские люди очень маленького роста и что у них мяса меньше, чем нужно съесть хорошей собаке? – слышались их любознательные вопросы.

– Да, Аллах дал им жадность, но лишил их красоты, – отвечали ахалинцы.

– Будто они кормят у себя свиней, как мы ягнят?

– Эта нечистая тварь у них в большом почете.

– Люди знающие говорят, что при встрече с врагами они роют земляные норы и скрываются туда, как черные пауки?

– Все во власти Аллаха, – заметил уклончиво сардар, который знал русских совсем с другой стороны, но не имел надобности делиться своими сведениями. – Нам известно, что они производят на земле большие беспорядки, и мы сожалеем, что двурогий Искандер не построил между ними и нашей землей железную перегородку, какой он отделил нас от народов Гога и Магога.

– И как это было ему легко сделать! – вступил в разговор Керим-берды-ишан, желавший показать перед гостями из Мерва свои познания в Коране. – Он сказал: «Помогите мне, и я построю перегородку между ними и вами. Принесите мне столько больших кусков железа, чтобы можно было завалить промежуток между двумя горными хребтами. Потом принесите мне расплавленной меди, чтобы я мог залить сверху все принесенное вами железо...» И вот прошло столько веков, а Яджуджи и Маджуджи напрасно стараются пробить стену Искандера.

Гости из Мерва могли только выразить восхищение перед высокими познаниями благочестивого мужа. После того было бы согласнее с тоном хорошего общества не распространяться о делах и до удовлетворения аппетита не ворошить злобу дня, но мервцы так мало видели света! Они редко делали набеги, между тем ахалинцы многое видели и в Хорасане, и в Ургенче, и даже в Бухаре. Недостатку знакомства с обычаями следует приписать и все дальнейшие разговоры.

– Вы нам писали, что хотя королева инглези также ест свиное мясо, но что она не любит русских, как мы ненавидим диких кабанов, – спросил один из пришельцев.

– Мы писали вам правильно, – отвечал сардар.

– И что она послала вам много оружия и пороха?

– Вы сами это услышите от джанарала инглези. При королеве он состоит начальником всех пушек.

Якуб-бай, не проронив ни одного слова из происходивших объяснений, нашел минуту, чтобы сообщить О’Доновану, каким он пользуется титулом у своей королевы.

– Какой дьявол им сказал, что я команду артиллерией? – воскликнул О’Донован. – Не твои ли это сказки, Якуб-бай?

– Чего ты испугался, полковник? Сардар и сам знает, сколько нужно огня, чтобы изжарить шашлык. Мерв-теке скорее согласится на помощь, если им сказать, что впереди пойдет начальник всех пушек королевы инглези.

Кавалькада между тем приблизилась к могиле аулиэ Джалута, где все население встретило пришельцев с знаками живейшей радости. Мервцы самодовольно гладили свои запыленные бороды. Им выставили белые кибитки для отдыха и еды и черные для стряпни и прислуги. Увы, окончанием кок-бури интересовались уже немногие! Кажется, Мумын бросил козла к

ногам распорядителя, но сардар и четверовластие были поглощены более важным делом, перед которым бледнели все обыкновенные радости. Нужно было торопиться с заключением союза против надвигавшегося грозного врага.

XVI

Кибитка, назначенная для маслахата, поступила, в предупреждение напора любопытных, особенно старух и подростков, под охрану джигитов. В таких важных случаях джигитам присваивались официальные нагайки, удары которых все, даже матроны, должны были сносить безропотно. Мумын, произведенный в есаул-баши, пользовался уже правом на подобную нагайку.

Собравшиеся члены совета и гости из Мерва образовали правильный круг людей, умело и картинно поджавших ноги на белых войлоках. Для освежения умов лежал в центре круга турсук с айраном, окруженный объемистыми полоскательными чашками.

Ни протоколов, ни канцелярии не полагалось.

– Мы решили задерживать приход русских войск на каждом шагу. Мы будем разбивать их караваны и отнимать у них верблюдов, – излагал план кампании перед гостями из Мерва председательствовавший в совете сардар, – но мы знаем, что не все туркмены крепки в исламе. В числе их есть такие подлые трусы, как иомуды, чодоры и гокланы, которые поделятся с гяурами своими верблюдами, а персияне – чтобы им не увидеть рая Магомета! – не постыдятся даже выслать им и хлеб за хорошие деньги. Рано или поздно, а русские сербазы все-таки поставят свои шатры у могилы аулиэ Джалута. Мы это предвидим, мы это понимаем, но нам нужно задержать появление русских, пока не окончим сооружение стен Голубого Холма. Вы проезжали мимо Геок-Тепе и видели, какую мы воздвигаем защиту ислама и нашей свободы.

– Да, ваши стены постоят за себя, – подтвердил инженер из Мерва, – у нас таких стен нет.

– Завтра весь наш народ двинется оканчивать их, и тогда враг найдет нас уже во всеоружии. Будьте же нашими товарищами в войне с гяурами.

– И помните, – добавил Керим-Берды-ишан, – что Ахал-Теке и Мерв-Теке происходят от двух родных братьев, посланных на нашу общую землю пророком для насаждения истинной веры.

– Мы охотно придем к вам на помощь, – ответили на это призывание представители Мерва.

– Сколько же вы пришлете нам джигитов?

– Пророк, как вы знаете, не позволил считать людей.

– А если счесть по числу лошадей?

– Это можно. Мы пришлем десять тысяч коней и по два человека на каждом. Нам трудно только везти для них корм из Мерва.

– Мы возьмем и людей, и коней ваших на свое продовольствие.

– Это хорошо, – похвалили мервцы. – Но не слишком ли много ваша крепость требует людей для защиты?

– Нам нельзя строить маленькую крепость, – отвечал сардар. – Мы соберемся в крепость всем народом и поставим под свою защиту женщин, детей и стариков.

– Вы очень хорошо придумали, – подтвердили мервцы, – человек храбрее бьется с врагом, когда ему нужно защищать любимого сына! А все-таки ров, из которого вы берете глину, следовало бы наполнить водой.

– Мы это сделаем непременно.

– Нужно, чтобы вода была выше человека.

– Разумеется, иначе он не утонет в ней.

– Хорошо также выкопать позади крепостных стен ряд колодцев. Пусть враги лезут через стены, кому они тогда страшны?

– Мы непременно последуем вашему дружескому совету.

– А за ямами хорошо поставить ряды кибиток, наполненных песком.

– Мы и это сделаем.

– Тогда русским не взять Геок-Тепе во веки веков! – заявили решительно в один голос все мервцы. – Если русские не утонут во рву, то мы перестреляем их на стенах. Уцелевшие на стенах попадут в ямы. Кто в яму не попадет и запутается между кибитками, того и старуха пырнет ножницами в бок.

Членам маслахата оставалось погладить бороды от удовольствия и единогласно воззвать к Аллаху о помощи против врага.

– Худа ярдам бирсун!

Интересная часть совещания была, однако, впереди. О’Донован и Якуб-бай присутствовали пока в качестве почетных гостей.

– Спрашиваем у джанарала без обиды нашим друзьям инглези: подоспеют ли их пушки ко времени прихода русских? – предложил щекотливый вопрос Коджар-Топас-хан.

– Королева инглези сама смотрела за кораблями, на которые грузили пушки в подарок Теке, – переводил ответ джанарала Якуб-бай, не боясь ответственности за неточность перевода. – Корабли давно уже в дороге.

– А есть ли там пушки, которые стреляют сзади?

– Там есть разные пушки.

– Таких пушек у русских нет, – заметил кто-то из знающих людей. – Русские пушки стреляют только в одну сторону.

– А есть ли между пушками тыр-тыр?

– Джанарал говорит, – переводил Якуб-бай, – что хотя королева имеет тыр-тыр только для себя, но она не пожалеет их и для Теке. Они очень страшны, и с ними нужно обращаться осторожно.

– Тогда пусть джанарал командует этими пушками.

– Разумеется, джанарал будет командовать ими, но он еще говорит вам следующее: для чего ожидать, чтобы русские явились перед стенами Геок-Тепе? Почему вы не хотите напасть на них в Шагадаме? Там можно заставить их броситься на корабли и уйти в море.

– Мы все сделаем и если аулиэ Джалута не оставит нас своей помощью, то мы сделаем больше, чем то дано человеку. Сегодня же мы обсудим еще одно важное дело, которое прошу выслушать.

Здесь по знаку сардара скромно сидевший поодаль Ах-Верды вступил в круг маслахата и поднял над головою присутствовавших письмо, написанное красивой арабской вязью.

– Один молодой человек, которому открыты книги людей, постигающих смысл творения, написал этот лист к диван-беги хивинского хана, – объявил сардар, взглядывая при этом с любовью на Ах-Верды. – Если мы послушаем, то убытка от этого не будет.

Все бороды маслахата всколыхнулись одобрительно, и Ах-Верды прочел следующее:

– «На нас наступают неверные русские войска, они уже на пути к Голубому Холму. Наши лучшие люди убивают их, сколько могут, и всегда возвращаются невредимыми с большой добычей, но все-таки мы живем надеждой и упованием на вашу помощь. Ради крепости ислама и чистоты веры просим вас держаться одних с нами мыслей. Забудьте наши грехи и приказывайте. Приказание ваше мы поднимем чистосердечно выше своих голов, и когда вы наградите нас письмом, то будем очень благодарны. Посылаем к вам Ай-Магомет-Полвана и Мумына, есаул-баши, а что они вам скажут, тому верьте».

Такого тонкого послания никогда еще не исходило из Теке, поэтому понятно, с какой торопливостью члены маслахата намазали тушью свои тамги и приложили их к письму. Даже Керим-берды-ишан посмотрел на Ах-Верды с особенным уважением.

– На это время Хива должна забыть наши аломаны, – объяснил сардар. – К тому же мы пользовались в Ургенче больше хлебом, нежели рабами, а тут за что же сердиться? Хлеб всякому человеку нужен. Сын мой, – обратился он к Ах-Верды, – понаблюдай, чтобы куржумы наших посланников были полны запасов – путь в Хиву нелегкий. Теперь же мы предадимся покою, а завтра скажем народу наше последнее слово.

Последнее слово имело воинственный характер. Сардар приказал оповестить наутро сбор всех мужчин Теке – на конях, при оружии и с послушанием команде.

В ночь произошло еще одно крупное событие: на могиле аулиэ Джалута появилась пушка, обращенная жерлом на русскую сторону. Она имела внушительный вид. Правда, ее бронзовое тело как будто сморщилось от времени, но разве опытность старухи ничего не стоит? Теке немало потратили трудов и искусства, чтобы приспособить ее к передвижению. Надпись на ней мог прочесть только один инглези, и он прочел: «Вулвич, 1809 год».

С раннего утра все Теке перебивало у орудия. Редко кто не погладил его позеленевшую медь и, разумеется, с угрозами и сердитыми пожеланиями в сторону врага.

Но чем заряжать? В арсенале Теке хранилось не более десяти старых заржавленных ядер. Этот серьезный недостаток взялся, однако, пополнить каменных дел мастер, который умел искусно обтачивать круглыши из твердого песчаника.

Ко дню генерального смотра Теке располагало уже есаулами и юз-баши, успевшими изучить многие военные приемы. Они расставили войска в стройном порядке и окружили холм огромным сомкнутым кольцом из разнородных боевых элементов. Не обошлось и без гвардейцев, снабженных русскими берданками и мультуками с рогатыми сошками. Фитили к мультукам были накручены из хорошего хлопка, который обмакнули в слабый раствор селитры.

Менее знатные сотни владели только пиками и клынчами. Первые оказывались длиннее казачьих пик на целый локоть а клынчи приготавливались домашними оружейниками из старых, хорошо закаленных серпов.

В ряды войск встали было несколько старух с ножницами, которыми стригут баранов, но юз-баши отогнали их, за что и были обижены плевками.

Команды теке приняли русские, но есаулы и юз-баши, не успевшие еще вытвердить все ее слова, ограничивались сокращенным уставом ротного учения. Во всех случаях юз-баши выкрикивали: «Стройся!» – а есаулы отвечали им: «Справа по одному!» Несмотря на краткость команды, сотни отлично исполняли все необходимые эволюции.

Никогда еще Теке не видело такого торжества. Сардар выступил на смотр собравшейся рати, окруженный блестящей свитой, гостями из Мерва, с джанаралом инглези и с толпой гарцевавших на жеребятах воинственно настроенных подростков.

– Стройся! – выкрикнули юз-баши всего войска.

– Справа по одному! – ответили им есаулы.

Посланники из Мерва были поражены этой воинственной картиной. О’Донован, стараясь запечатлеть в памяти общее впечатление народа, заранее восхищался эффектом своей иллюстрации. Непризванная в ряды войск толпа щелкала от восторга языками, и притом так громко и отчетливо, точно маленькими хлопушками.

По окончании объезда сардар сошел возле аулиэ Джалута с коня и, обратившись лицом к войску, произнес вдохновенно:

– Аллах акбар! Жалую войску и народу все свои стада и кибитки!

Сардар, поистине говоря, не будучи богатым человеком, проявил в этом случае щедрость лучшего из патриотов.

– Что скажет наш друг джанарал инглези про наше войско? – спросил он О’Донована.

– Удивительно пестрая картина! – отвечал О’Донован. – Мне не случалось видеть ничего подобного.

– Джанарал говорит, что текинскому народу суждено совершить чудеса, – перевел Якуб-бай.

– Какова же будет наша сила, когда придут пушки королевы?

– Русские испытают тогда участь поглощенных морем детей фараона.

Сардар остался доволен приговором джанарала инглези, но ему важно было знать и мнение Мерва.

– Хотя у нас и теперь уже довольно оружия, но наши мастера продолжают ковать и клынчи, и пики, – сообщил он Коджар-Топас-хану. Видев все это, скажите, может ли Мерв доверить нам жизнь и счастье своих людей?

– Сердца наши расширились от избытка радости, – отвечал серьезный Коджар-Топас-хан, – и наши люди пойдут к вам на помощь без боязни и сомнений.

– А мы не станем тревожить вас, если русские соберутся с небольшими силами, как это было в прошлом году!

Теперь сардару осталось объявить только народу, что корабли уже везут русских сербазов из-за моря, о чем доносят все гонцы из Шагадама. Прежде такого важного объявления нелишним было поднять воображение народной массы и тогда уже обратиться к ее патриотизму. С этой целью сардар приказал зарядить пушку. Пушку зарядили на глазах народа, следившего с необыкновенным любопытством за всеми движениями артиллеристов. Разумеется, заряд состоял из одного пороха.

Сардару подали зажженный пальник.

– Во имя Аллаха! – воскликнул он, наводя пальник на затравку.

– Во имя Аллаха! – повторили глашатаи народу.

– Во имя Аллаха! – повторили тысячи голосов.

Пушка гроыхнула, и народу показалось, что от одного ее выстрела потряслись люди, кони, кибитки и песчаные барханы. Многие из народа никогда не слышали пушечного выстрела.

Пушку вновь зарядили.

– Во имя веры! – воскликнул сардар, наводя во второй раз пальник на затравку.

– Во имя веры! – повторили глашатаи.

– Во имя веры! – пронеслось по песчаным барханам.

Вновь всколебалась земля. Народу показалось, что даже в бежавших над ним тучках произошло какое-то замешательство.

– Во имя народа! – воскликнул в последний раз сардар.

– Во имя народа! – пронеслось по барханам волной.

– Во имя народа!

Теперь было видно воочию, что врагу несдобровать.

«Если одна пушка гремит на все Теке, то какой же раздастся гром, когда придут пушки королевы?» – думалось каждому восхищенному зрителю.

Наконец сардар подал знак, что желает говорить о важном деле.

– Нам известно, что русские люди, которым Бог отвел только одну сырую землю, стараются выбраться на сухое место, – говорил он, тщательно отчеканивая каждое слово, чтобы дать возможность глашатаям передавать в порядке его речь. – Отыскивая это место, они заняли земли узбеков и таджиков и теперь сидят уже на затылке хивинского хана. Но, слава Аллаху, мы не таджики, и у нас мальчики не танцуют наподобие девушек. Мы – теке и желаем остаться текинцами до конца наших дней.

Народное кольцо зарокотало общим одобрением.

– Вы знаете, что русские не раз уже беспокоили наше зрение, но всегда они уходили домой, озираясь, нет ли за плечами текинца. Теперь же они сделались дерзкими, они начали смотреть поверх наших шапок и открывать двери, в которые их не просят. Они везут из-за моря

все, что нужно для большой войны, и уже воздвигли в Шагадаме и Чекишляре целые горы муки, крупы и соли. У них нет пока верблюдов, но шайтан пошлет им своих слуг, которых и заставит возить тяжести неверных. Нам шайтана не нужно, у нас есть истинные друзья, они спешат к нам со всех сторон. Королева инглези обещает нам множество пушек и тысячу харваров пороха. Наши братья из Мерва здесь, перед вами, а за ними столько тысяч коней, сколько и во сне не увидит русскому сардару. Но этого мало. Мы воздвигаем крепость, за стенами которой укроем все наши семейства и все наше имущество. Будем же торопиться с ее окончанием и отправим немедленно к Голубому Холму все свободные рабочие руки... – Здесь сардар прервал свою речь, как бы готовясь поделиться с народом важной таинственной вестью. – Обо мне не спрашивайте и не беспокойтесь, – провозгласил он с поднятой головой. – По плану войны, я должен отправиться на запад, к Шагадаму... А что я буду там делать, вы узнаете по моем возвращении. Аллах акбар!

– Аллах акбар! – ответило все Теке.

Глубоко запала в умы и сердца слушателей речь сардара. Его слово было манифестом об объявлении войны, вызвавшим необыкновенный подъем духа. Мгновенно родилось множество планов на пользу родины, один величественнее другого. Все хотели поделиться с сородичами картинами и образами своего вдохновения, но никто никого не слушал. Напрасно есаулы и юз-баши надрывались в окриках «стройся!» и «справа по одному!» – войска и народ слились в одну массу шумливых и страстных степных политиканов.

Воинственно настроенные женщины собрались также в кружки и повели наравне с мужчинами страстные дебаты.

XVII

Много радостей доставляет перекочевка детям степняка – тем, разумеется, которые достаточно уже сильны, чтобы не бояться бодливых коров, или достаточно ловки, чтобы арканить жеребят. От них не уйдет в степи ни одна ящерица, не поплатившись хвостом, и ни одна черепаха не успеет спрятаться от них вовремя в нору. Придорожным пичужкам тоже нужно беречься глиняных комочков, метко выбрасываемых из самострелов. Впрочем, при медленном ходе каравана борьба и перегонки останутся всегда лучшими утехами.

На этот раз перекочевка теке носила особый отпечаток торжества и величия: впереди везли пушку, окруженную хорошо организованной силой, за ней следовало посольство, возвращавшееся в родной Мерв, а затем уж следовал широкой и бесконечной полосой тяжело нагруженный караван. По сторонам его двигались многочисленные стада, оглашавшие степь концертом из невероятного сочетания звуков. Девуцы гарцевали на аргамаках не хуже своих братьев.

Проследив перекочевку до последней кибитки, сардар возвратился к аулиэ Джалута, где к массе умиловительных приношений он прибавил баранью голову с необыкновенно длинными рогами и большой кусок красного ситца.

Исполнив этот долг перед покровителем всех храбрых, сардар выступил одвуконь по направлению к заходу солнца. С ним следовали О'Донован, Якуб-бай и небольшая военная свита. Кроме того, к группе всадников присоединилась арба, наполненная коврами, паласами и вообще изделиями текинских мастериц. На этой рухляди сидела Аиша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.